

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Л а м а н с к а г о .

Выпускъ II

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина, Тельжнѣй пер., 3—5

1897

Отчетъ члена-сотрудника С. Рыбакова о поѣздѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества.

Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ.

По порученію Императорскаго Географическаго общества, я весною 1896 года отправился въ киргизскую степь съ цѣлью собранія памятниковъ поэтическаго и музыкальнаго творчества киргизъ. Въ началѣ мая я пріѣхалъ въ Оренбургъ. Я былъ на рубежѣ Европы и Азіи, и самая фізіономія города говорила, что здѣсь встрѣчаются два міра.

I. Предварительныя впечатлѣнія.

Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Оренбургъ, мнѣ пришлось побывать на сѣверѣ Россіи — въ г. Вологдѣ. Изъ этого края путешественникъ выноситъ цѣльное впечатлѣніе: коренная, старинная Русь царитъ всюду, ничѣмъ не нарушаемая; постройки однообразныя, деревянныя, какъ издавна по всей Руси; среди нихъ церкви и церкви разнообразной, нерѣдко красивой архитектуры, — ничего другого, никакихъ постороннихъ чужихъ впечатлѣній... Деревянная и святая Русь господствуетъ здѣсь безраздѣльно.

Иной рядъ впечатлѣній сообщаетъ путешественнику г. Оренбургъ. Отъ желѣзнодорожнаго вокзала шоссированная дорога проводитъ въ улицы города, и путникъ встрѣчаетъ здѣсь новые каменные дома, сады направо и налево, широкія улицы, усаженные аллеями. Впечатлѣніе новаго города, по своему происхожденію относящагося къ недалекой эпохѣ, — путникъ получаетъ тотчасъ же: одни казенныя огромныя зданія, напр., пятиэтажныя кадетскіе корпуса, предназначенныя для военныхъ воспитанниковъ всей средней Азіи, говорятъ о современной почти эпохѣ.

О господствующей христіанской націи свидѣлствуютъ церкви,

но не столь уже многочисленныя и не такія древнія, какъ напр., въ Вологдѣ, почему съ ними не связано почти никакихъ преданій.

Но что сообщаетъ особенную характерность городу, вносить совершенно новый, оригинальный тонъ въ сумму впечатлѣній отъ него, — это стройно высящіяся башни или минареты мечетей съ гордо поднятой луной.

Когда дорога отъ вокзала, проходя мимо расположенныхъ направо и налево тѣнистыхъ садовъ — Караванъ-Сарая, душистаго парка, губернаторскаго сада, приближается къ новому красивому православному собору, взоръ невольно приковывается неожиданнымъ зрѣлищемъ: налево отъ дороги гордо и изящно возвышается надъ садами тонкая бѣлоснѣжная колонна минарета Каравансарайской мечети, — лучшей въ городѣ, и однимъ своеобразнымъ видомъ своимъ открываетъ передъ свѣжими чувствами цѣлый новый міръ, міръ мусульманской Азіи, которая отсюда начинается, — міръ полный особаго содержанія, настроенія, грезъ и поэзіи. Этотъ изящный, своею луною теряющійся въ небесахъ минареть, какъ бы исполненъ меланхолической мечты или думы, въ которой сквозить скорбь о настоящемъ и надежда на будущее.

Черезъ нѣсколько сажень далѣе передъ взорами раскрывается покойный, величавый, превосходной архитектуры, православный соборъ, — представитель другого міра, съ которымъ столь непримиримъ и отъ котораго такъ сильно отличенъ міръ мусульманства.

Населеніе города не менѣе смѣшанно; здѣсь встрѣчаются и русскіе и татары и башкиры и киргизы и мордва и пр.

Здѣсь, на Оренбургской площади, путникъ воочію видитъ встрѣчу двухъ міровъ — міра Европы, христіанства и міра азіатскаго ислама, — и это совпадаетъ и съ географическимъ сосѣдствомъ Европы и Азіи: городъ лежитъ на правой сторонѣ р. Урала, а тотчасъ за рѣкой, на лѣвой сторонѣ, географически уже начинается Азія.

Запасшись необходимыми справками въ Оренбургѣ въ Тургайскомъ Областномъ Правленіи, я въ сопровожденіи переводчика-ученика Оренбургской киргизской учительской школы (Юсунова) въ 20-хъ числахъ мая выѣхалъ въ Тургайскую и Уральскую Области къ киргизамъ.

Киргизскій народъ занимаетъ громадную территорію Азіатскаго материка приблизительно между 55° и 40° сѣв. широты и 20° и 56° восточной долготы, которая составляетъ такъ называемую Арало-каспійскую впадину, извѣстную у Персовъ подъ названіемъ Турана.

Границами этой территоріи можно принять: на сѣверѣ — часть Алтайскихъ горъ, рѣку Иртышъ приблизительно до Омска, отсюда

линію до р. Тобола (при Звѣриноголовской ставицѣ Оренб. губ.), на западѣ — Тоболь, рѣки Уй и Уралъ въ Оренб. губ. почти до Оренбурга (до Нѣжинскаго поселка въ 18 в. отъ Оренбурга), отсюда граница переходитъ р. Уралъ и идетъ по рѣчкамъ Бердянкѣ, Курали, Илеку до устья послѣдняго и затѣмъ опять по р. Уралу до Каспійскаго моря; на югѣ съ киргизами граничатъ Аральское море, земли Турмень, Хивинцевъ, Бухара, Коканъ, на востокъ — Китайскія владѣнія. На югѣ и юго-востокѣ Киргизскія земли обрамляютъ слѣдующіе горные хребты: Алтайскія горы, хребты Нарымскій, Таргоботайскій, горы Ала-Тау, хребты Тянь-Шань, Кашгаръ-Даванъ и къ сѣверу отъ р. Сыръ-Дарьи — хребты Каратау и Александровскій.

Вся Киргизская территорія въ административномъ отношеніи входитъ въ составъ слѣдующихъ областей: Уральской, Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской.

Тургайская и Уральская области въ частности занимаютъ площади — первая въ 400,830 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 386,300 душъ; вторая въ 460,000 кв. верстъ, съ населеніемъ до 500,000 душъ. Тургайская область почти исключительно населена киргизами-кочевниками, осѣдлыхъ русскихъ числится только 29,502 души. Въ Уральской области кромѣ киргизъ живутъ русскіе крестьяне и казаки.

Киргизы называютъ себя: «казакъ» и это очень странно слышать русскому человѣку, привыкшему думать, что названіе казаки существуетъ только у русскихъ, тогда какъ цѣлое огромное племя съ поконъ вѣка называетъ себя этимъ именемъ и мы, русскіе, неправильно называемъ ихъ киргизы, взявъ это имя отъ одного племени, составляющаго лишь часть киргизскаго народа, живущаго близъ Алтайскихъ горъ у Китайской границы и называемаго Кара-Киргизы или Буруты.

Мой путь среди киргизъ имѣлъ слѣдующее направленіе: изъ Оренбурга я выѣхалъ на Илецкую Защиту, знаменитую соляными копами, отправился на юго-востокъ въ гор. Актюбинскъ Тургайской области; проживъ, нѣсколько дней въ этомъ послѣднемъ, я направился на югъ въ г. Темиръ, Уральской области, извѣстный обширной ярмаркой для киргизъ. Изъ Темира я поѣхалъ на востокъ къ Мугоджарскимъ горамъ, считающимся продолженіемъ Уральского хребта въ Азіатскихъ степяхъ. Начиная отъ Темира я уже простился съ дорогами и ѣхалъ прямо степью, пролагая свой путь; приблизительно верстъ 150 пришлось ѣхать до Мугоджарскихъ горъ, путешествовать въ нихъ въ разныхъ направленіяхъ, и затѣмъ продолжать путь изъ Мугоджаръ па сѣверо-востокъ все тѣмъ же полемъ безъ дорогъ по направленію къ селенію Карабутахъ, лежащему

на почтовомъ трактѣ къ Ташкенту. Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ обыкновенно никто не проѣзжаетъ, то въ направленіи пути пришлось быть въ зависимости отъ киргизъ, которые изъ своихъ соображеній удлиняли путь и вмѣсто 80—100 верстъ отъ Мугоджаръ къ Карабутаку провезли меня верстъ 150.

Изъ Карабутака я ѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ по киргизскимъ кочевкамъ на рѣкѣ Иргизѣ и соленыхъ озерахъ.

По возвращеніи въ Карабутакъ направился по тракту къ Актюбинску и останавливался въ разныхъ аулахъ въ сторонѣ отъ дороги.

Провелъ вторично нѣсколько дней въ этомъ городѣ, затѣмъ на обратномъ пути къ Илецкой Зацитѣ останавливался какъ вдоль тракта, такъ и въ сторонѣ. Между прочимъ, въ окрестностяхъ Илецкой Защиты знакомился съ бытомъ киргизъ, находящихся уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, что выражается въ хорошемъ знаніи русскаго языка, появленіи въ домашнемъ обиходѣ вещей русскаго издѣлія, напр., вилокъ, тарелокъ, знаніи русскихъ пѣсенъ и мелодій, употребленіи некиргизскихъ музыкальныхъ инструментовъ: гитары, скрипки, гармоніи и т. п.

Въ Оренбургъ возвратился отъ села Григорьевки русскими хуторами и нѣмецкими колоніями.

II. Русская власть въ степи.

Когда я весною выѣзжалъ изъ Оренбурга въ киргизскія степи, я думалъ, что въ ихъ необъятномъ просторѣ затеряется вскорѣ вліяніе русской власти и я останусь внѣ ея покровительства, а знойное степное солнце испечетъ меня.

Но я ошибался.

На всемъ пространствѣ степей, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ, не переставало ощущаться присутствіе власти, крѣпкой, сильной и правильной административной организаціи; области раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на волости; высшіе представители власти въ степи — уѣздные начальники — генераль-губернаторы въ миниатюрѣ и облечены большими полномочіями: они и уѣздные исправники и головы, и завѣдуютъ хозяйственною частью и имѣютъ право ареста до 7 дней.

Уѣздный начальникъ для киргизъ — власть, съ которой шутить нельзя и къ которой они относятся съ почтеніемъ; въ волостяхъ существуютъ должности волостного управителя и при немъ волостного писаря, въ аулахъ — аульные старшины; должности волостного управителя (бо-

лысь, *какъ произносятся киргизы) и аульныхъ старшинъ занимаютъ киргизы по выборамъ; волостными писарями бывають обыкновенно русскіе, при чемъ въ Тургайской области въ волостяхъ ближе къ центру управленія—Оренбургъ и вообще въ тѣхъ, въ которыхъ русское населеніе значительно, — волостные писаря нанимаются самыми волостными управителями; въ далекихъ же горныхъ волостяхъ въ Иргизскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ волостные писаря назначаются и получаютъ жалованіе отъ казны и имѣютъ полномочія и даже нѣкоторое политическое значеніе: въ этихъ, совершенно лишенныхъ русскаго населенія волостяхъ съ дикимъ, незнающимъ удержу населеніемъ, волостные писаря представляютъ единственную русскую власть; безъ нихъ русское вліяніе совершенно замерло бы въ такихъ далекихъ и дикихъ мѣстахъ степи. Но, конечно, въ такихъ глухихъ мѣстахъ не безъ того, что писаря злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ и эксплуатируютъ населеніе.

Съ водвореніемъ русской власти послѣдовало умиротвореніе киргизской степи, въ которой волненіе не прекращались въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія со времени принятія киргизами русскаго подданства.

Въ 1732 г. киргизы такъ называемой Малой Орды, по почину ихъ хана Абуль-Хаира, а вслѣдъ за ними въ 1740 г. киргизы Средней Орды приняли русское подданство. Это принятіе было въ сущности дѣломъ расчета Абуль-Хаира: такимъ путемъ онъ надѣялся упрочить ханское достоинство въ своемъ родѣ на вѣчное время; и дѣйствительно, русскіе въ теченіе цѣлаго столѣтія выбирали хановъ изъ рода Абуль-Хаира, поступая въ этомъ случаѣ вопреки народнымъ обычаямъ. Хань и ихъ органы—султаны были очень непопулярны среди народа за поборы и злоупотребленіе властью.

Особенно усиливалось неудовольствіе въ народѣ на правителей съ тѣхъ поръ, какъ въ 1824 году ханское достоинство среди Оренбургскихъ киргизъ было уничтожено; степь была раздѣлена на три части; управленіе каждой частью было ввѣрено особому старшему султану, иначе султану-правителю. Султанамъ дана неограниченная власть и право наказывать подвѣдомственныхъ имъ киргизовъ за грабежи на линіи, для чего каждому изъ нихъ былъ приданъ отрядъ въ 200 казаковъ. Этотъ отрядъ далъ возможность султанамъ только преслѣдовать своихъ личныхъ враговъ, нисколько не обезпечивая нашихъ границъ и не водворяя спокойствія въ степи (Л. Костенко. Средняя Азія. Спб. 1870, стр. 111).

Султаны на глазахъ народа становились все болѣе непопулярными и не имѣли никакого авторитета, возбуждая лишь смуты своимъ корыстолюбіемъ и честолюбіемъ; противоположность между султанами и на-

родомъ сказалась и въ томъ, что все населеніе дѣлилось у нихъ на два разряда: на бѣлую кость, къ которой принадлежали ханы и султаны, и черную кость—простой народъ. Лишь немногіе выдающіеся и радѣвшіе о народныхъ интересахъ султаны благодарно вспоминались народной памятью; одинъ за другимъ возникали бунты и появлялись мятежники, напр., въ 1837 г. султанъ Каипъ, къ которому вскорѣ присоединились два батыра: Исетай и Джуламанъ со своими шайками, въ 1838 г. и далѣе въ 40-хъ годахъ султанъ Касымъ и особенно сынъ его Кенесары.

Неспокойствіе въ степи продолжалось до времени введенія въ дѣйствіе «Временнаго положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семиналатинской» 1866 г., когда управленіе степью перешло непосредственно въ русскія руки, и ненавистное для народа правленіе султановъ было отмѣнено.

Съ 70-хъ годовъ въ степи водворилось полное спокойствіе, послѣ того, какъ киргизы увидѣли, что русскіе внесли лучшее управленіе, порядокъ, прекратили взаимныя распри ихъ изъ-за честолюбія правителей, положили конецъ поборамъ властей и обезпечили для каждого спокойное существованіе,—словомъ, проявили тѣ качества, благодаря которымъ они въ связи со своею военною силою пользуются такимъ престижемъ во всей средней Азіи.

Поэтому-то къ каждому русскому въ степи киргизы чувствуютъ особое почтеніе какъ представителю высшаго, лучшаго порядка вещей, а если проѣзжающій заручится предписаніемъ отъ уѣзднаго начальника, то можетъ рассчитывать прямо на почетный и широкій пріемъ; предписаніе или открытый листъ отъ губернатора менѣе дѣйствительны: я имѣлъ открытые листы и отъ Императорскаго Географическаго Общества изъ Петербурга и отъ Тургайскаго губернатора, но они не производили такого дѣйствія, какъ предписанія уѣздныхъ начальниковъ, близкой и осязательной для киргизъ власти.

Такимъ образомъ крѣпкая русская власть уже водворилась среди кочевниковъ.

III. Характеръ степи лѣтомъ 1896 года.

Отправляясь въ степь, я съ нѣкоторою опасливостью относился къ лѣтнему степному солпцу, наслышавшись и начитавшись о его знойности.

Но исключительное лѣто 1896 года, изобильное дождями спасало

меня отъ знойности южнаго солнца, а богатый травяной покровъ, вопреки обыкновенію все почти лѣто державшійся на поляхъ, сообщалъ степи оживленіе и избавлялъ путешественника отъ тѣхъ унылыхъ и тяжелыхъ впечатлѣній, какія выносятся изъ степи въ сухія, знойныя лѣта, когда всякая травяная растительность выгораетъ, земля чернѣетъ, и остается лишь высокій жесткій ковыль, а раскаленное солнце немилосердно палить, и негдѣ скрыться отъ него и нечѣмъ умѣрить его огненное дыханіе.

Благодаря многоснѣжной зимѣ и обильнымъ дождямъ на рѣкахъ было большое половодье, и во второй еще половинѣ мая я переправлялся на паромѣ черезъ рѣку Илекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ бродомъ. Изъ Оренбурга я выѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ и сдѣлалъ ошибку, какъ послѣ увидѣлъ, что не запасся собственнымъ экипажемъ. Пока ѣхалъ я по почтовымъ трактамъ (до гор. Актюбинска, Тургайской обл. и гор. Темира Уральской обл.), на которыхъ установлены станціи съ 3-мя парами лошадей, однимъ тарантасомъ и одной телѣгой, я еще кое-какъ могъ получать экипажъ, да и то не всегда: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ моимъ пріѣздомъ проходила почта и увозила тарантасъ, такъ что или приходилось ѣхать въ телѣгѣ или дожидаться возвращенія экипажа. Но когда отъ города Темира я взялъ направленіе на востокъ къ Мугуджарскимъ горамъ и приходилось ѣхать прямо полемъ, гдѣ не предстояло встрѣтить никакихъ станцій, мнѣ посоветовали въ городѣ непременно пріобрѣсти экипажъ. Съ трудомъ розыскалъ я и купилъ послѣдній у одного Оренбургскаго татарина, пріѣхавшаго въ гор. Темиръ на ярмарку, запасся и своею упряжью и не сожалѣлъ: въ южныхъ волостяхъ Тургайской и Уральской областей киргизы до сихъ поръ не усвоили никакого способа передвиженія, какъ только верхомъ, и ни экипажей, ни упряжи, ни обѣзжанныхъ лошадей тамъ и въ поминѣ нѣтъ.

Въ первое время, когда я ѣхалъ отъ Оренбурга въ открытыхъ почтовыхъ экипажахъ, я чувствовалъ удручающее вліяніе степного солнца: лицо сильно краснѣло, кожа трескалась, чувствовалось общее ослабленіе организма и тяжесть въ головѣ; безъ покрытія головы и лица чѣмъ нибудь бѣлымъ нельзя было и думать ѣхать: солнце начинало къ полудню прямо жечь.

Но когда я продолжалъ путешествіе въ собственномъ крытомъ экипажѣ, тогда условія путешествія перемѣнились: бѣлый парусинный верхъ своеобразнаго татарскаго экипажа и въ самый полдень обезпечивалъ тѣнь и укрывалъ отъ солнца, не лишая благъ вѣтерка; впро-

чемъ и самое солнце истекшаго лѣта 1896 года не было такъ жгуче, какъ обыкновенно, и перепадавшіе дожди смѣняли полдненную духоту живительной прохладой, при чемъ какъ-то случалось такъ, что дожди чаще всего бывали по сторонамъ нашего пути, и намъ представлялись случаи любоваться живописными картинами степного неба во время дождя: большія дождевыя облака то направо, то налево, то впереди ходятъ по простору степного неба, во всей своей цѣлости раскрытаго для взора, и оживаютъ и точно разукрашиваются при блистаніи молній и раскатахъ грома. А дождь полосами такъ и леть по сторонамъ.

IV. Станціи — кибитки.

Что прежде всего бросается въ глаза ѣдущему изъ Оренбурга, когда онъ оставляетъ предѣлы Оренбургской губерніи около Илецкой Защиты и вступаетъ въ настоящія земли киргизъ, — это своеобразныя станціи на трактахъ — тѣ же киргизскія кибитки, отличающіяся лишь тѣмъ, что внутри ихъ ставятся стулъ и столъ для проѣзжающихъ. Кромѣ станціонной кибитки и развѣ еще навѣса для лошадей и экипажей на такихъ станціяхъ ничего нѣтъ, и онѣ одиноко стоятъ въ степи. Тракты и станціи учреждены стараніями, конечно, русской администраціи. Дороги въ степи прекрасныя, ровныя, конечно, не оттого, что ихъ устраиваютъ, а оттого, что поверхность ровная и грунтъ твердый.

Проѣздъ въ киргизскихъ областяхъ дешевый — $1\frac{1}{2}$ коп. съ версты и лошади, что особенно замѣтно по сравненію съ сосѣдней Оренбургской губерніи, гдѣ берутъ по 4 коп. съ версты. Это на томъ основаніи, что въ киргизскихъ степяхъ прокормъ лошадей дешевый, тогда какъ въ сосѣднихъ русскихъ губерніяхъ кормъ, напр., овесъ дорогой; но говорятъ, что это не соответствуетъ дѣйствительности, и въ Оренбургской губерніи могли бы возить дешевле.

Илецкая Защита (въ 60 в. отъ Оренбурга) — послѣдняя русская станція; слѣдующая станція по тракту въ гор. Актюбинскъ въ 21 верстѣ — Кызыль-Жаръ (Красный Яръ) уже киргизская и представляетъ одну, двѣ кибитки въ степи. Такимъ образомъ станціи первыя знакомятъ путешественника съ обычнымъ жилищемъ киргиза — кибиткой, которую они называютъ *үй* (домъ) и которая не разъ была описана другими путешественниками. Скажу только, что кибитка, тоже, что у башкиръ кошъ, представляетъ легкую куполообразную (уык-куполъ) по-

стройку изъ деревянныхъ рѣшетокъ (керегѣ), покрытыхъ войлокомъ или кошмами (туырлык), съ одною дверью (есык) изъ войлока и наверху съ отверстіемъ (шанграк-кругъ наверху); противъ двери находятся сундуки (сандык) съ имуществомъ, а около нихъ почетныя мѣста для гостей на разосланныхъ коврахъ (клем); по сторонамъ отъ входа — всякаго рода утварь, между прочимъ, принадлежности для приготовления кумыса, а также кровати; послѣднія распространены почти повсемѣстно въ степи. Между тѣмъ А. Левшинъ, напечатавшій въ 1832 г. «Описаніе киргизъ—казачьихъ орды и степей» въ трехъ частяхъ, описывая кибитку, о кроватяхъ не упоминаетъ, а говоритъ только: «На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, стоять большія чаши, котлы, деревянныя изголовья, на которыя кладутъ подушки, и особаго рода ящики (съ разными украшеніями), въ коихъ держатъ мѣшки, наполненные кумысомъ». (Часть 3-я, стр. 21).

Такимъ образомъ до 30-хъ годовъ кроватей у киргизъ не было, а существовали только изголовья, слѣдовательно, распространение кроватей у киргизъ надо отнести ко времени послѣ 30-хъ годовъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ русскихъ. Также къ нововведеніямъ послѣдняго времени относится появленіе даже швейныхъ машинъ въ киргизскихъ кибиткахъ, но правда, только въ волостяхъ, недалекихъ отъ Оренбурга и другихъ русскихъ городовъ.

Киргизская кибитка — это подобіе той же степи и небеснаго купола, высящагося надъ ней; такое сравненіе само собою напрашивается и особенно рѣзко бросилось оно мнѣ въ глаза, когда я при первыхъ знакомствахъ съ киргизской жизнью вышелъ однажды ночью изъ кибитки наружу и взглянулъ на блиставшее звѣздами небо и ровную какъ поле кибитки темную степь, надъ которой возвышался такой величавый куполь, какъ небесный сводъ; кибитка — подобіе вселенной, какъ она раскрывается въ степи, и можетъ быть кочевники создали ее, подражая мірозданію, которое постоянно было передъ ихъ глазами.

Подобіе увеличивается, когда въ старой кибиткѣ дырявая крыша ея блещетъ звѣздами, и когда дождь идетъ и внутри самой кибитки, какъ это пришлось мнѣ испытать на одной станціи ночью.

V. Киргизскія орды и роды.

Мое путешествіе имѣло мѣсто въ земляхъ такъ наз. бывшихъ Малой и Средней киргизскихъ орды. Дѣло въ томъ, что киргизы раздѣлялись до водворенія русскихъ порядковъ на три орды: Большую,

Среднюю и Малую; первая занимала восточное положение и граничила съ Китаемъ, Коканомъ, Ташкентомъ и Бухарою; Средняя орда размѣщала свои кочевья отъ Аральскаго моря на сѣверъ къ рѣкамъ Ишиму и Тоболу; Малая орда занимала земли между Мугоджарскими горами, Каспійскимъ моремъ, рѣкою Ураломъ и Оренбургомъ. Будучи ближе, чѣмъ другія орды, къ русскимъ, она больше всего имѣла сношенія съ послѣдними и подвергалась ихъ вліянію, особенно въ новѣйшее время.

Орды киргизскія раздѣлялись на роды, и родовое начало у киргизъ очень сильно до настоящаго времени: хотя русское правительство старается ослабить его, но и теперь еще случаются большія волненія, ссоры между родами; даже изъ-за частныхъ ссоръ цѣлыя роды считаютъ своею обязанностью вступить за своего обиженнаго или замѣшаннаго въ ссорѣ сочлена и устраиваютъ иногда цѣлыя сраженія, при чемъ бываетъ много убитыхъ.

Киргизъ — вольный сынъ степей и до сихъ поръ не знаетъ еще удержа своимъ порывамъ особенно въ волостяхъ, далекихъ отъ русской власти. Киргизъ во всемъ обязанъ степи, ея живетъ и движется, поэтому не знаетъ и не хочетъ знать другой зависимости.

VI. Скотоводство.

Главный источникъ существованія для него — скотоводство, которое существуетъ впрочемъ почти безъ всякихъ заботъ со стороны киргиза; скотъ самъ множится, самъ питаетъ себя не только лѣтомъ, но и зимою, самъ оберегаетъ себя, на сколько можетъ, отъ лютой вьюгъ, все даетъ киргизу и ничего не требуетъ отъ него.

Въ стадахъ все богатство киргиза, поэтому весь строй его жизни приуроченъ къ условіямъ существованія скота; между прочимъ послѣдній долженъ пастись, переходить съ мѣста на мѣсто, отъ этого-то киргизъ создалъ себѣ такое легкое удобопереносимое жилище, какъ кибитка.

Для поддержанія благосостоянія необходимо, чтобы киргизъ могъ пользоваться приплодомъ, какъ процентами съ основнаго капитала, если же онъ начнетъ расходовать самую стада, основной капиталъ, онъ быстро будетъ бѣднѣть, скотъ скоро исчезнетъ, и киргизу останется идти въ вѣчную кабалу къ какому нибудь богачу.

Такъ какъ киргизъ не заботится о скотѣ, то у послѣдняго является много враговъ, которые могли бы быть менѣе страшны, если бы че-

ловѣкъ прилагалъ какое нибудь стараніе объ источникѣ своего существованія.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ скотоводства среди киргизъ являются суровыя зимы и мятели или бураны.

Такъ какъ климатъ въ киргизскихъ степяхъ континентальный, то при нестерпимомъ зноѣ лѣтомъ, особенно въ горныхъ частяхъ, зимы бывають нерѣдко суровы, многоснѣжны и буранны.

Всѣ пастбища покрываются твердымъ глубокимъ снѣгомъ, который плотно придавливаетъ къ землѣ обледѣлыя травы и такимъ образомъ лишаетъ скотъ возможности «тебеневать». Въ поясненіе этого слова надо сказать, что скотъ самъ добываетъ себѣ пищу зимою, выбивая копытомъ изъ-подъ снѣга траву. Пастба скота на снѣжныхъ поляхъ и называется тебеневкой.

Напрасно лошади, разгребая снѣгъ, стучать копытами, — ледяной покровъ не поддается, ... говоритъ г. Полферовъ въ книгѣ «Земледѣліе въ Тургайской области». Потери скота въ это время достигаютъ иногда ужасающихъ размѣровъ. Такъ по отчету Тургайскаго военнаго Губернатора, въ зиму 1870—1880 гг. въ тургайскихъ степяхъ отъ гололедицы, бурановъ и глубокихъ снѣговъ погибло 1.528,679 головъ разнаго скота изъ общаго количества 3,652,737, т. е. почти 50%.

Лишь въ послѣднее время стараніями Тургайскаго областного правленія въ области стали производиться обязательныя заготовки сѣна, и положеніе скотоводства теперь болѣе обезпечено; вмѣстѣ съ тѣмъ для скота начали дѣлать изгороди и прикрытія отъ бурановъ. Надо сказать, что до настоящаго столѣтія киргизы даже для себя не устраивали зимовокъ и землянокъ, въ которыхъ они живутъ теперь зимою, а круглый годъ кочевали все въ тѣхъ же легкихъ и доступныхъ для бурановъ кибиткахъ, и зимою лишь прикрывали ихъ двойнымъ рядомъ войлока и засыпали снѣгомъ; но случалось, что порывы бурана сносили кибитку съ мѣста, и все населеніе ея съ малыми ребятами оставалось въ открытой степи на произволъ жестокаго вѣтра.

Кибитка вообще не выносить сильнаго вѣтра, и мнѣ лѣтомъ приходилось видѣть тревогу киргизъ, когда надвигались огромныя грозовыя тучи и налетали предвѣстники бури: киргизы въ торопяхъ бѣгали вокругъ кибитокъ и прикрѣпляли ихъ веревками къ запаснымъ коламъ вокругъ.

Стада для киргизъ такимъ образомъ въ смыслѣ заботъ обходятся почти ни во что, и въ степи говорятъ, что одинаково стоитъ содержать одну лошадь или цѣлый табунъ, т. е. ничего не стоитъ, пока

раздольная степь одинаково въ состояніи обезпечить и одну лошадь и цѣлыя табуны.

Киргизы содержатъ и разводятъ слѣдующихъ животныхъ: лошадей, крупный рогатый скотъ, верблюдовъ, овецъ и козъ. Лошадь и верблюдъ оказываютъ наиболѣе услугъ киргизу, они доставляютъ ему главныя перевозочныя средства; лошади неважной породы, но выносливы. Порода не улучшается оттого, что киргизы слишкомъ рано, на 3-мъ году, начинаютъ ими пользоваться, ѣздить верхомъ, возить тяжести.

Лошадь по уму ставится обыкновенно выше, чѣмъ верблюдъ, послѣднее животное считается глупымъ увальнемъ. Но если лошадь умнѣе, то верблюдъ безспорно способнѣе: въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь выбьется изъ силъ, отказывается служить, верблюдъ преспокойно продолжаетъ работу или везетъ на себѣ и въ телѣгѣ огромныя тяжести какъ ни въ чемъ не бывало, и такъ послушно, спокойно идетъ себѣ по степи часто безводной, гордо и высоко неся свою голову и поглядывая по сторонамъ взоромъ, исполненнымъ нѣкоторой трагичности. Собственно особенной глупости верблюдъ не обнаруживаетъ, и только то, что онъ вообще порядочный увалень, хотя въ экстренныхъ случаяхъ можетъ бѣжать и очень быстро, и что онъ такъ всецѣло преданъ себя къ услугамъ человѣка и такъ послушно исполняетъ всѣ его требованія, что онъ менѣе опрятенъ и благообразенъ, чѣмъ лошадь, — эти обстоятельства, вѣроятно и составили ему репутацію болѣе глупаго животного сравнительно съ лошадыю. Между тѣмъ верблюдъ въ степи незамѣнимый спутникъ человѣка.

О скотоводствѣ въ Тургайской области составлена цѣлая обстоятельная книга г. А. И. Добромысловымъ и издана въ Оренбургѣ Тургайскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1895 г.

Такъ киргизъ главныя средства существованія получаетъ отъ скота, но нисколько не трудясь для этого, а все получая даромъ, живетъ жизнью праздною.

VII. Земледѣліе.

Другой источникъ существованія у киргизъ — это земледѣліе, но имъ занимается лишь нѣкоторая часть киргизскаго племени преимущественно въ сѣверныхъ волостяхъ Тургайской и другихъ областей, тамъ, гдѣ оказывается плодородная земля.

Въ Приаральскихъ и Прикаспійскихъ пескахъ едва ли когда будутъ

заниматься киргизы земледѣлемъ, и кочевой образъ жизни надолго останется для нихъ единственно подходящимъ образомъ жизни. Но вообще говоря, киргизы, какъ это ни будетъ неожиданно, можетъ быть, для многихъ, не смотря на то, что кочевники, уже давно занимаются земледѣлемъ и обнаруживаютъ къ этому занятію большія склонности.

Возникновеніе земледѣлія среди киргизъ Тургайской области имѣетъ двойкій источникъ: земледѣліе появилось, во-первыхъ, подъ вліяніемъ, русскихъ, во-вторыхъ, но собственному почину киргизъ тамъ, гдѣ о русскомъ вліяніи не могло быть и рѣчи.

Подъ русскими вліяніями, со времени водворенія въ тургайскихъ степяхъ русскихъ поселенцевъ, земледѣльческая дѣятельность между кочевниками стала замѣтно развиваться въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ области—Актюбинскомъ и Кустанайскомъ, гдѣ мѣстныя условія ей благопріятствовали.

Тургайская область 50-ю параллелью дѣлится на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на сѣверную съ двумя уѣздами—Актюбинскимъ и Кустанайскимъ, и южную — съ уѣздами Тургайскимъ и Иргизскимъ.

Сѣверная часть области, благодаря отрогамъ Урала, носящимъ здѣсь названіе Мугоджарскихъ и Губерлинскихъ горъ, представляется возвышенной, съ большимъ числомъ рѣчекъ и озеръ, берега которыхъ покрыты тальникомъ или камышемъ. Общій видъ ея не такъ однообразенъ, какъ въ другихъ мѣстахъ средне-азиатскихъ степей: почва состоитъ преимущественно изъ глины и песку, покрытыхъ пластомъ чернозема, который ближе къ Оренбургской губ., составляющей сѣверо-западную границу области, дѣлается толще, и по мѣрѣ приближенія къ югу совсѣмъ исчезаетъ.

Съ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. со времени появленія русскихъ поселенцевъ, и начинается собственно развитіе въ степи земледѣльческой промышленности. Русскіе скоро разсѣялись по ауламъ и, выбирая болѣе удобныя для земледѣлія мѣста, стали производить усиленныя распашки земель, вызывая подражаніе со стороны киргизъ. И киргизы съ такимъ усердіемъ занялись новой промышленностью, что являются теперь даже болѣе значительными землепашцами по количеству засѣваемой земли, чѣмъ русскіе.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Тургайскаго губернатора за 1894 г. можно видѣть, что въ этомъ году собрано хлѣба на пашняхъ русскихъ 2.258,241 пудъ, а на киргизскихъ пашняхъ 6.051,363 пуда, т. е. почти въ три раза болѣе, хотя это не говоритъ еще объ обезпеченіи хлѣбомъ всего киргизскаго населенія, такъ какъ на одну русскую семью прихо-

дится пудовъ собраннаго хлѣба 383, а на кибитку киргизскую 86,1 пуда, тѣмъ не менѣе въ Кустанайскомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ самыя крупныя земледѣльцы-киргизы, и лучшею пшеницею считается киргизская. Въ интересахъ истины надо сказать, что киргизы не самостоятельно обрабатываютъ пашни, а съ помощью все тѣхъ же русскихъ поселенцевъ, которые изъ-за нужды идутъ къ нимъ часто въ работники или обрабатываютъ землю изъ-полу, при чемъ зерно обыкновенно киргизское, а трудъ—русскій. Надобно къ этому добавить, что сильно эксплуатируютъ киргизы-богачи нужду и бѣдность русскихъ поселенцевъ.

Въ южной части области земледѣліе, напротивъ, возникло самостоятельно, по почину киргизъ.

По этому поводу рассказываютъ трогательную исторію, какъ одинъ киргизъ по имени Сеить-Куль претерпѣлъ большія страданія изъ-за идеи водворить земледѣліе среди соплеменниковъ (см. статью Сейдалина 2-го въ «Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императ. Географ. Общ.», 1870 г.).

Киргизъ Сеить-Куль изъ Кипчагскаго рода, жившій отъ 1770 г. по 1830 г. былъ настоящимъ пионеромъ хлѣбопашества между киргизами въ бассейнѣ рѣки Тургая. По преданію онъ отличался умомъ и предприимчивостью и съ дѣтства поражалъ своею изобрѣтательностью. Онъ не мирился съ зависимостью своего племени отъ чужеземнаго народа и задался мыслью сдѣлать свой народъ независимымъ. Когда онъ искалъ въ глубинѣ Азіи свободныхъ мѣстъ для своего народа, онъ былъ пораженъ благосостояніемъ осѣдлыхъ жителей посѣщенныхъ имъ странъ благодаря занятію главнымъ образомъ земледѣліемъ, которое онъ и рѣшилъ ввести среди своихъ соплеменниковъ. Первые опыты увѣнчались успѣхомъ. Сеить-Куль основалъ нѣчто въ родѣ земледѣльческой колоніи и бодро отстаивалъ ее отъ нападенія кочевниковъ, занимавшихся взаимнымъ грабежемъ. Число его послѣдователей увеличивалось, а чтобы положить прочное основаніе осѣлости, въ которой Сеить-Куль видѣлъ залогъ благополучія для киргизъ, онъ задумалъ устроить поселеніе въ видѣ торговаго рынка для сбыта продуктовъ земледѣлія. Но преждевременная смерть помѣшала ему исполнить этотъ планъ. Сеить-Куль былъ убитъ мятежниками во время намаза, молитвы. Онъ могъ избѣжать опасности, но не хотѣлъ нарушить молитву, считая такой поступокъ малодушнымъ. Вотъ какой замѣчательный человѣкъ, носитель культуры появлялся среди киргизъ.

Его послѣдователи мысль о поселеніи оставили, но земледѣліемъ продолжали заниматься, и оно не прекращается въ бассейнѣ р. Тургая и до настоящаго времени, хотя, по первобытности своей и ограниченности мѣстностей удобныхъ для хлѣбопашества, нуждается во многихъ улуч-

шеніяхъ. Но безспорно, оно возникло и существуетъ внѣ всякихъ русскихъ вліяній.

О земледѣліи у киргизъ упоминаетъ и Левшинъ въ соч. «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 1832. (Ч. 3-я, стр. 199), не отмѣчая при этомъ никакихъ русскихъ вліяній. Хотя онъ говоритъ, что хлѣбопашествомъ занимается весьма малая часть сего народа, но вмѣстѣ прибавляетъ, что въ Большой ордѣ земледѣльцевъ много, особенно въ той ея части, которая кочуетъ около Ташкента и Туркестана.

VIII. Къ вопросу о русскихъ вліяніяхъ въ земледѣліи киргизъ.

Тотъ же авторъ приводитъ другое свидѣтельство, что въ XVIII стол. у киргизъ было земледѣліе,—свидѣтельство, устанавливающее уже русское вліяніе. Онъ сообщаетъ, что около 1764 г. «Султанъ (впослѣдствіи ханъ) Средней киргизской орды Аблай просилъ правительство русское о присылкѣ къ нему 10 человѣкъ хлѣбопашцевъ, которые бы могли выучить земледѣлію его киргизовъ. Екатерина повелѣла сію просьбу исполнить, взявъ однакожъ отъ Аблая надежныхъ аманатовъ, которые бы могли обезпечивать свободу посланныхъ къ нему Россіянь» (Тамъ же часть 2-я, стр. 243).

Такимъ образомъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ киргизскихъ степей земледѣліе развивалось подъ вліяніемъ средне-азиатскихъ народовъ: сарговъ, таджиковъ, хивинцевъ и др. и съ точки зрѣнія русскихъ имѣло самостоятельное происхожденіе, въ сѣверныхъ уѣздахъ получило толчекъ и жизненную силу подъ русскими вліяніями.

Для тѣхъ, кто склонны отрицать положительное значеніе русскихъ вліяній въ этихъ мѣстностяхъ и признавать за киргизскимъ земледѣліемъ лишь естественное-историческое, органическое развитіе, можно привести рядъ фактовъ, которые значительно ослабляютъ правдоподобность этой точки зрѣнія.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области еще недавно, 25 или 30 лѣтъ тому назадъ, киргизы не знали никакихъ сельско-хозяйственныхъ работъ; но въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія появились первые русскіе поселенцы въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области, и съ этимъ временемъ совпадаетъ начало земледѣлія у киргизъ; если указываютъ на то, что киргизское земледѣліе развивается преимущественно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ нѣтъ русскихъ поселенцевъ, то это не отрицаетъ вліянія русскихъ переселенцевъ, потому что все это совершается

въ одной и той же мѣстности; нѣкоторые утверждаютъ, что русскіе переселенцы не могли оказывать положительнаго вліянія на земледѣліе киргизъ, потому что вносили только хищническіе приемы обработки земли, беспорядочно засѣвали участки земли тамъ и сямъ, не заботились объ удобреніи ихъ, истощали въ конецъ и затѣмъ бросали и такимъ образомъ дѣлали бесплодными большія площади земли; эти же приемы обработки усваивались будто бы и киргизами; но и это обстоятельство не имѣетъ убѣдительной силы по занимающему насъ вопросу: ведя хищническое хозяйство, переселенцы во всякомъ случаѣ приносили съ собой знаніе лучшихъ приемовъ и способовъ обработки земли, которые отсутствовали у киргизъ; затѣмъ хищничество въ земледѣльческомъ хозяйствѣ нельзя ставить всецѣло въ вину переселенцамъ, — оно въ значительной степени обусловливается характеромъ края, столь изобилующаго хорошими свободными землями, такъ что каждый могъ пахать, гдѣ и сколько хотѣлъ: какая надобность переселенцамъ удобрять землю, когда она и безъ того хорошо родитъ и когда всякій участокъ земли можно замѣнять другимъ, свѣжимъ? Хищническими инстинктами въ хозяйствѣ увлекаются здѣсь не только русскіе крестьяне, но и праславленные культуртрегеры-нѣмцы: мнѣ извѣстны около нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Оренбургской губ. заимки нѣмцевъ-докторовъ, которые, засѣвая 200 и болѣе десятинъ, и не думали заниматься удобреніемъ земли, а лѣтъ черезъ 4 — 5 мѣняли заимки на новыя; также нѣмцы-колонисты вблизи Оренбурга и Тургайской области, переселившіеся туда изъ Херсонской губ. и купившіе большое число десятинъ земли въ собственность, говорили мнѣ (лѣтомъ 1896 г), что не удобряютъ земли, хотя она ихъ собственная: зачѣмъ-де удобрять землю, когда она и такъ родитъ, да и нѣтъ возможности удобрять ее при большомъ числѣ засѣваемыхъ десятинъ.

Такимъ образомъ обвиненіе русскихъ поселенцевъ въ хищничествѣ при воздѣлываніи степей Тургайской области въ значительной степени ослабляется, и самое хищничество несомнѣнно исчезнетъ, когда будетъ осуществлено въ этомъ краѣ надлежащее поземельное устройство, тѣмъ болѣе, что хищническіе инстинкты не коренятся въ самой природѣ русскихъ переселенцевъ, а вызываются условіями страны.

Подъемъ киргизскаго земледѣлія объясняютъ вліяніемъ голодныхъ годовъ — такъ наз. к у я н ж и л о в ъ, повторяющихся каждыя 11 — 12 лѣтъ; по общимъ наблюденіямъ (между прочимъ, по свидѣтельству Тургайскаго военнаго губернатора въ «Обзорѣ за 1882 г.) земледѣліе стало развиваться быстрыми шагами со времени гибельныхъ для

киргизскаго скотоводства 1879 и 1880 г.; на этомъ основаніи нѣкоторые прямо признають, что только куянжилъ 1879—1880 г. вліялъ на развитіе земледѣлія у киргизъ независимо отъ русскихъ вліяній, но забываютъ при этомъ, что куянжилы были постоянно и прежде, но до появленія въ краѣ русскихъ земледѣльцевъ не содѣйствовали возникновенію и усиленію киргизскаго земледѣлія; прежде эти куянжилы не убѣждали киргизъ въ шаткости благосостоянія, основаннаго на скотоводствѣ, но именно примѣръ русскихъ поселенцевъ могъ показать обѣднѣвшимъ послѣ голоднаго года киргизамъ, что и при ничтожномъ количествѣ скота, съ двумя-тремя лошадьми или быками можно еще существовать, если обратиться къ земледѣлію; напротивъ, оставаясь съ такимъ числомъ скота при скотоводческомъ образѣ жизни, приходилось переходить въ разрядъ бѣдняковъ — байгушей или джатаковъ. Куянжилъ 1879—80 гг., мнѣ кажется, могъ явиться побужденіемъ къ занятію земледѣліемъ только въ связи съ примѣромъ земледѣльческаго образа жизни русскихъ поселенцевъ.

Русское вліяніе связывается также въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ удостовѣряетъ Военный Губернаторъ Тургайской области (Обзоръ за 1885 г), киргизы Илецкаго (Актюбинскаго) уѣзда избытокъ хлѣба, особенно проса, доставляютъ на продажу въ Оренбургъ и приливенныя селенія». Земледѣліе у киргизъ этого сосѣдняго съ Оренбургомъ уѣзда, далеко превышая личную потребность киргизъ въ хлѣбѣ, развилось благодаря близости такого крупнаго мѣста сбыта, какъ Оренбургъ. Вообще замѣчено, что земледѣліе стоитъ на болѣе высокой у киргизъ тѣхъ волостей, которыя сосѣдять съ русскими волостями, напр., по западной границѣ Кустанайскаго уѣзда, прилегающей къ Казачьимъ землямъ Оренбургской губ.

Вліянія русскихъ поселенцевъ нельзя не признать и въ томъ, что киргизы почти повсемѣстно пахутъ уже не старыми киргизскими плугами (тисъ), а тѣми же сабанами, какими пахетъ окрестное русское населеніе, хотя при этомъ нельзя забывать, что много содѣйствовала распространенію среди киргизъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій сама областная администрація, которая въ 1890 г. приобрѣла на остатки отъ земскаго сбора сѣнокосилку для ознакомленія киргизъ съ этого рода машинами; этотъ опытъ имѣлъ блестящій успѣхъ: уже въ началѣ 1893 г. у киргизъ Буртинской волости (близь Оренбурга) было до 30 собственныхъ сѣнокосилокъ; кромѣ того 28 сѣнокосилокъ приходилось на другія волости Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ; въ томъ же году Областное Правленіе приобрѣло для

раздачи киргизамъ еще 43 сѣнокосилки на средства Особого Комитета.

Киргизы привыкають постепенно готовить землю къ посѣву съ осени; начали сѣять высокіе сорта хлѣба, напр., полтавскую пшеницу, тогда какъ раньше они сѣяли только просо; качество и наливъ киргизской пшеницы улучшился замѣтно со времени переселенія въ область русскихъ, которые принесли съ собою лучшіе сорта хлѣбовъ—полтавскую пшеницу, кубанку; богатые киргизы охотно покупають разнаго рода сельско-хозяйственныя машины: плуги, молотилки и т. п.

Этихъ и подобныхъ данныхъ, которые можно найти въ «Обзорахъ» Тургайской области (прилож. ко Всеподданн. отчетамъ Тург. военн. Губернатора за разные годы), — достаточно, мнѣ кажется, для того, чтобы признать, что возникновеніе и развитіе киргизскаго земледѣлія въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области происходило подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ русскихъ и въ томъ числѣ переселенцевъ, а теорію естественно-историческаго, органическаго развитія земледѣлія у киргизъ можно повидимому, безъ ущерба замѣнить теоріей вліяній—среднеазиатскихъ въ южныхъ частяхъ киргизской степи и — русскихъ въ сѣверныхъ.

IX. Перерожденіе кочеваго быта подъ вліяніемъ земледѣлія.

Развитіе земледѣлія у киргизъ явно влечетъ за собою значительныя измѣненія въ формахъ ихъ быта: по мѣрѣ усиленія земледѣльческихъ занятій сокращаются кочевые навыки и обыкновенія.

Увеличеніе площади посѣвовъ неизбѣжно стѣсняетъ свободу скотоводства и устанавливаетъ извѣстныя границы для пастбищъ. Скотъ, бывшій прежде безъ призора, поручается теперь пастухамъ.

Наличность пашни или сѣнокосныхъ угодій, находящихся большею частію около зимовочныхъ стойбищъ (кстау), волей-неволей привязываетъ киргиза къ данному мѣсту и не позволяетъ ему совершать дальнія перекочевки: въ іюль — августъ ему надо снимать посѣвъ, а если онъ откочуетъ на дальнее разстояніе, то онъ не успѣетъ вернуться къ жнитву.

Постепенно увеличивающаяся прикрѣпленность къ опредѣленному мѣсту выдвигаетъ вопросъ о землепользованіи и установленіи границъ владѣнія землею, — явленіе, относящееся уже къ области земледѣльческаго быта, которое сопровождается нерѣдко тяжбами, драками и ссо-

рами между владѣльцами и посторонними киргизами; раньше была въ обычаѣ даровая пастба скота на чужихъ земляхъ, а въ настоящее время происходятъ изъ-за этого постоянныя недоразумѣнія, особенно въ неурожайные годы, и ведутъ къ вмѣшательству администраціи (Добромысловъ. Скотоводство въ Тургайской области Оренб. 1895 г. стр. 20).

Съ развитіемъ земледѣлія кочевки теряютъ свой первоначальный характеръ, и киргизы-земледѣльцы уже не кочуютъ далѣе 40—50 верстъ отъ своихъ кстау (зимовокъ). Въ Иргизскомъ, напр., уѣздѣ сами киргизы отрешиваются отъ названія кочевниковъ и не разъ говорили мнѣ, что кочевники — это тѣ, которые прикочевываютъ въ ихъ мѣста верстъ изъ-за 500—600 изъ Сыръ-Дарьинской области, Хивы и пр., а они-де сами—осѣдлые, дальше 10—15 верстъ не уходятъ отъ своихъ зимовокъ.

Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло вліяніе на сокращеніе численности скота у киргизъ: прежнихъ обширныхъ пастбищъ уже не могло быть при наличности пашень и невозможности откочевывать далеко отъ зимовокъ, поневолѣ приходится сокращать скотъ и вмѣстѣ въ большей степени заботиться о его пропитаніи, чѣмъ раньше, когда онъ самъ кормился на просторѣ зимнихъ полей, выкапывалъ изъ-подъ снѣгу траву, «тебеневаль»; эти заботы о пропитаніи повели къ развитію сѣнокошенія, которое появилось у киргизъ въ значительныхъ размѣрахъ недавно, — около 15—20 лѣтъ тому назадъ, и очень привилось у нихъ, какъ я выше упоминалъ объ этомъ. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться сѣнокошеніе, тѣмъ больше будетъ возможности киргизу держать скотъ зимою около своихъ жилищъ и тѣмъ сильнѣе станетъ сокращаться значеніе тебеневокъ.

Такимъ образомъ киргизы постепенно осѣдаютъ и прикрѣпляются къ землѣ, и этотъ процессъ совершается тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе занимаются земледѣліемъ киргизы.

Въ настоящее время киргизы являются и земледѣльцами, и скотоводами, но съ теченіемъ времени земледѣльческій элементъ въ ихъ бытѣ несомнѣнно получитъ перевѣсъ.

Киргизы обнаруживаютъ явную способность къ земледѣлію, и во всякомъ случаѣ гораздо большую склонность, чѣмъ, напр., башкиры, которые жили дольше и въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, но до сихъ поръ почти не занимаются земледѣліемъ.

При наличности этой склонности они могутъ менѣе болѣзненно перейти въ послѣдствіи отъ кочеваго быта къ осѣдлому и цѣликомъ усвоить себѣ земледѣльческую культуру. Что киргизы могутъ быть хорошими земе-

дѣльцами, это показываетъ опытъ нашихъ миссій, при которыхъ крещенные киргизы съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ.

Извѣстный путешественникъ г. Носиловъ, лѣтомъ 1895 г. бывшій въ киргизской степи (въ Акмолинской области) и написавшій въ «Новомъ Времени» № 7163 статью «Киргизская сельско-хозяйственная школа изъ поѣздки на Алтай», высказываетъ мысль, что уже наступила пора, когда киргизу приходится оставлять кочевой образъ жизни и приспособляться къ осѣдлому подѣ вліяніемъ главнымъ образомъ переселенческаго движенія русскихъ на востокъ; онъ говоритъ: «Киргизъ все больше и больше съ приходомъ сюда русскихъ выбивается изъ скотоводства въ бѣдняки, все больше и больше нуждается въ осѣдлости, чтобы пропитать себя коровой, полемъ, огородомъ. Онъ массой идетъ въ работники; онъ цѣлыми зимовками живетъ около каждаго казачьяго поселка, дожидаясь работы; у него нѣтъ ни земли, ни стада, никакихъ средствъ къ жизни; онъ составляетъ жалкій опасный пролетаріатъ, рядомъ съ богатствомъ русскаго поселенца».

Г. Носиловъ слишкомъ обобщаетъ это явленіе, и для Тургайской области по крайней мѣрѣ не наступило еще изображаемой имъ поры: русскіе поселенцы заняли только сѣверныя сравнительно небольшія площади области; не киргизы находятся у нихъ въ кабалѣ, а они скорѣе, они именно живутъ около аула и ждуть отъ киргиза работы; затѣмъ въ южныя волости Тургайской и Прикаспійскіе пески Уральской области, русскій поселенецъ, вѣроятно, вовсе не поидетъ, между тѣмъ киргизы огромными массами могутъ по прежнему спокойно кочевать въ необъятныхъ пескахъ, уже давно приспособившись жить въ нихъ.

Но вообще говоря, Тургайская и Уральская области способны къ земледѣльческой культурѣ въ большей степени, по нѣкоторымъ признакамъ, чѣмъ это думаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей.

Х. Торговля.

Торговля среди киргизъ пока не имѣетъ значительныхъ размѣровъ и сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ татаръ, которые въ безчисленномъ количествѣ распространяются въ степи въ качествѣ мелкихъ кочующихъ торговцевъ. Развѣзжая въ своеобразныхъ экипажахъ — они занимаются попутно и магометанской пропагандой. Татары извѣстны у киргизъ подѣ именемъ Ногай и не пользуются особеннымъ расположеніемъ за частые обманы и надувательства покупателейъ.

Торговля въ степи бываетъ трехъ родовъ: постоянная въ городахъ и осѣдлыхъ пунктахъ; временная, по преимуществу мѣновая, въ киргизскихъ аулахъ и періодическая или ярмарочная.

Мѣновая торговля въ мѣстахъ расположенія ауловъ производится отчасти бухарскими евреями и главнымъ образомъ мелкими торговцами изъ татаръ Оренбургскихъ, Уфимскихъ и Казанскихъ.

По словамъ г. военнаго губернатора Тургайской области во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1894 г., торгующіе со степью торговцы привозятъ въ степь различные русскіе и азіатскіе товары низкаго качества, какъ-то: халаты, азіатскія матеріи, сушеные фрукты и ягоды, дрянной чай, сахаръ, ситецъ, различныя желѣзныя и чугуныя издѣлія и другіе предметы киргизской потребности.

Основанія подобной торговли заключается въ промѣнѣ русскихъ и азіатскихъ товаровъ по дорогой цѣнѣ на обезцѣненный киргизскій товаръ — скоть, продукты скотоводства и киргизскія издѣлія съ кредитомъ на различные сроки.

Имѣя въ виду съ одной стороны простоту и довѣрчивость киргизовъ, а съ другой — алчность пристрастныхъ въ дѣлѣ наживы торговцевъ, становится понятнымъ: сколь выгодна подобная торговля для послѣднихъ и сколь убыточна и даже раззорительна она для первыхъ» (стр. 27).

Таковъ официальный отзывъ о торговцахъ татаряхъ.

Мошенническими продѣлками они отличаются на каждомъ шагу, и мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ трусили татары, когда я, напр., указывалъ имъ, что они вѣшаютъ товары на безмѣнахъ, употребленіе которыхъ въ степи запрещено податными инспекторами, — и какъ просили не выдавать ихъ; или встрѣтившись однажды съ такими кочующими торговцами, я захотѣлъ сфотографировать видъ на ихъ походную телѣгу — лавку и пока занимался этимъ, татары, по словамъ моего спутника, дрожали и не смѣли тронуться съ мѣста: причиной этого было то, что они приняли меня за ветеринарнаго врача, а на ихъ лавкѣ снаружи были развѣшаны сырыя кожи, что строго запрещается санитарными правилами; они вообразили, что я остановился, чтобы оштрафовать ихъ, а когда этого не оказалось, они съ нескрываемою радостью простились со мною, выражая горячія пожеланія благополучнаго пути, и поспѣшно поѣхали дальше.

Въ предѣлахъ посѣщенныхъ мною областей существуетъ нѣсколько ярмарокъ мѣстнаго значенія, но одна ярмарка, въ г. Темирѣ Уральской области, по своимъ оборотамъ, доходящимъ до одного милліона рублей, заслуживаетъ болѣе общаго вниманія.

Она ведетъ свое происхожденіе съ 1879 г. и возникла на мѣстѣ торга или базара, образовавшагося само собою, вслѣдствіе потребности киргизъ въ русскихъ товарахъ.

Ярмарка находится за чертой города и производитъ крайне оригинальное впечатлѣніе. Новый посѣтитель невольно останавливается передъ обширностью ея дворовъ и своеобразіемъ лавокъ, представляющихъ тѣ-же куполообразныя киргизскія кибитки; число лавочныхъ помѣщеній доходитъ до 325.

Ярмарка имѣетъ чисто-восточную фізіономію, и если бы не русскій флагъ и не русскія главныя власти, почти ничто не говорило бы о русскомъ элементѣ.

Лавки-кибитки тянутся по четыремъ сторонамъ площадей, а по линіиhalbъ отъ главнаго входа пріютились харчевни, въ которыхъ киргизы — посѣтители находятъ пищу и даже ночлегъ, и вечеромъ, когда лавки закрыты и ярмарочныя площади пустѣютъ, харчевни принимаютъ оживленный своеобразный видъ, и въ нихъ только сосредоточивается въ это время жизнь ярмарки: среди наступившей кругомъ пустынности изъ оконъ харчевенъ привѣтливо свѣтитъ огонь, а внутри кипятъ готовые самовары, предлагаются кумысъ, кушанья и особенно пельмени; киргизы кучками отъ 3 до 5 и болѣе человекъ занимаютъ отдѣленьица харчевенъ, располагаются прямо на полу вокругъ самоваровъ и въ непринужденной, полулежащей азіатской позѣ сдержанно разговариваютъ между собою: шумнаго говора, а тѣмъ болѣе крика я почти не слышалъ. Въ это время совершаются торговыя сдѣлки на слѣдующіе дни.

Главные посѣтители ярмарки — киргизы, а главные торговцы, конечно, — татары; число лицъ, торговавшихъ на ярмаркѣ въ 1895 г., выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: русскихъ — 52 чел., татаръ — 157 чел., киргизъ — 51 чел., хивинскихъ и др. подданныхъ — 24, всего 284 человекъ.

Численностью перевѣсъ приходится на долю татаръ, и они и здѣсь держатъ въ своихъ рукахъ торговлю.

Первенствующимъ товаромъ на ярмаркѣ являются продукты скотоводства, поставляемые киргизами.

Въ будущемъ ярмарку ожидаетъ значительное развитіе, и остается пожелать, чтобы русское купечество не пренебрегало этой ярмаркой, какъ до сихъ поръ, и вообще не чуждалось степи, въ которой оно совсѣмъ отсутствуетъ, а открывъ тамъ свои торговыя операціи, составило бы противовѣсъ татарскимъ вліяніямъ и торговлѣ и этимъ содѣйстви-

вало бы расширенію непосредственныхъ сношеній русской народности съ киргизами и водворенію среди нихъ русскихъ благотворныхъ началъ, напр.; склонности къ земледѣлію. Киргизы почти не имѣютъ хлѣба, но между тѣмъ считаютъ его за лакомство, и русскіе купцы имѣли бы успѣхъ и оказали бы не малую услугу русскому дѣлу, начавъ торговать въ степи хлѣбомъ. На сколько мало хлѣба и на сколько онъ надобенъ тамъ, можно судить по тому, что въ 1895 г., по отчету податнаго инспектора, въ Темирскомъ уѣздѣ на человѣка ржи и пшена приходилось 0,37 пуда, т. е. меньше полпуда.

XI. Народный характеръ киргизъ.

Получая отъ стадъ полное обезпеченіе своего существованія и будучи необременены работой, киргизы лѣтомъ показались мнѣ народомъ добродушнымъ, веселымъ и беззаботнымъ, и я попробую сказать нѣсколько словъ о ихъ народномъ характерѣ. Сначала коснусь ихъ наружности. Киргизы или, какъ они сами называютъ себя, казаки кажутся здоровымъ, сильнымъ и рослымъ народомъ. Ихъ здоровье, мускульная крѣпость и внѣшняя свѣжесть бросаются въ глаза сравнительно, напр., съ вялостью и дряблостью башкирѣ, хотя ихъ тѣло имѣетъ очень мало упражненій; въ связи съ этимъ находится ихъ подвижность, и на базарахъ, напр., самымъ подвижнымъ элементомъ являются киргизы, которые быстро являются, быстро рѣшаютъ дѣла и быстро же удаляются; въ тоже время башкиры сидятъ-сидятъ, говорятъ-говорятъ на базарѣ, и конца не предвидится. Татары же ведутъ себя всѣхъ степеннѣе и основательнѣе и спокойно — разсудительно обрабатываютъ иногда большіе гешефты.

Всѣ киргизы почти поголовно имѣютъ черные волосы и черные глаза, исключенія бываютъ очень рѣдки, и выразительность послѣднихъ, т. е. глазъ, рѣзко обращаетъ на себя вниманіе сравнительно съ нерѣдкой мутностью и безцвѣтностью сѣрыхъ и голубоватыхъ глазъ русскихъ.

Въ степи рассказывали, что въ извѣстномъ направленіи подается довольно много киргизъ съ голубыми глазами, и это направленіе совпадаетъ съ путемъ русскихъ войскъ, когда они проходили степи для завоеванія Хивы.

Волосы киргизы часто отращиваютъ и не брѣютъ, также не всегда носятъ тибетейки.

Черты лица рѣдко бываютъ правильныя, а еще рѣже красивыя, обыкновенно же киргизы имѣютъ выдающіяся скулы, широкій приплюснутый или ввидѣ треугольника носъ, бѣлые зубы, жидкую бороду, лишь иногда аксаколы (т. е. старики, бѣлыя бороды) бываютъ украшены большой сѣдой бородой.

Ноги у киргизъ въ большинствѣ случаевъ кривыя вслѣдствіе частой ѣзды на лошадяхъ, и ходятъ киргизы, надо сказать, плохо, неуверенно, какъ-то переваливаясь со стороны на сторону; ѣздить они несравненно лучше; отличаются общей сутуловатостью и неуклюжестью сравнительно, напр., съ русскими казаками, которыхъ киргизы называютъ атъ-казакъ (т. е. конные казаки), столь ловкими и проворными благодаря гимнастическимъ упражненіямъ.

Цвѣтъ кожи у киргизъ загорѣлый, красный, иногда даже темный; самая кожа отличается плотностью и часто лоснится отъ жира, особенно у богатыхъ киргизъ, сильно тучнѣющихъ отъ постоянного употребленія кумыса и мяса.

Киргизы показали мнѣ очень привѣтливымъ, ласковымъ народомъ, можетъ быть, при этомъ имѣли значеніе мои рекомендаціи отъ властей, о гостепрѣимствѣ ихъ говорить нечего. Въ кибиткахъ своихъ они отводили мнѣ всегда почетное мѣсто, устланное лучшими коврами и такъ ласково и почтительно обращались ко мнѣ; правда, они знали, что я прѣѣхалъ изъ Петербурга, а это обстоятельство производитъ на инородцевъ всегда особое впечатлѣніе.

Киргизы угощали меня всѣмъ лучшимъ, чѣмъ могли, и почти всюду рѣзали барашка для обѣда или ужина, устраивали мнѣ ночлегъ, и никогда не спрашивали денегъ за угощеніе, такъ что я по собственной волѣ давалъ деньги за хлопоты, но случалось, что вовсе отказывались брать.

Честность киргизъ показала мнѣ безукоризненной: во все время путешествія у меня не пропало ничего, хотя я вообще не берегъ очень своихъ вещей, оставляя ихъ въ кибиткѣ, въ экипажѣ, а самъ уходилъ; можетъ быть, здѣсь играетъ роль восточное правило, что гость и его вещи въ кибиткѣ хозяина неприкосновенны.

Мнѣ рассказывали, что единственно на что покушаются киргизы у путешественника, — это на хлѣбъ; послѣдній считается лакомствомъ и его такъ мало въ степи, что киргизы иногда не могутъ удержаться, чтобы не похитить его.

Я взялъ съ собою въ степь два съ $\frac{1}{2}$ пуда сухарей, какъ это дѣлаютъ всѣ, кто ѣдетъ въ степь. Во время чаепитія я пользовался этими

сухарями, и они были большою приманкою для киргизъ, которые всегда составляли для меня большую компанію въ чаепитіи, при чемъ никакого приглашенія не надо было дѣлать, такъ какъ киргизы сами приглашали другъ друга къ моему чаю.

У киргизъ всегда ровное, добродушное настроеніе духа, видно, что они ничѣмъ не обременены, ничто ихъ не заботитъ, особенно, степь, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, обезпечиваетъ ихъ, и они веселы и такъ легко, здорово смѣются и особенно шутятъ между собой; шутки ихъ принимаютъ иногда странный и на нашъ взглядъ неприличный характеръ, напр., отпускаютъ разныя шутки по адресу хозяина и его жены, хозяинъ только отшучивается и старается отвѣтить тѣмъ же, а жена лишь потупляетъ взоры; впрочемъ такія шутки допускаются только между равными.

Киргизы владѣютъ громкими голосами, которые они обнаруживаютъ когда что нибудь особенно ихъ занимаетъ, напр., перепряжка лошадей для моего экипажа всегда вызвала необыкновенное оживленіе, и громкіе возгласы среди киргизъ, они начинали суетиться около лошадей, указывать, давать совѣты и сильно окрикивать другъ друга, такъ что съ непривычки мнѣ казалось, что случилось что нибудь особенное, между тѣмъ вскорѣ же раздавался самый уравниженный, веселый и дружный смѣхъ, который невольно и меня заражалъ.

Старики у киргизовъ еще добродушнѣе: у нихъ всегда спокойное, ровное настроеніе, свѣжесть не по лѣтамъ, способность къ движеніямъ и занятіямъ, такъ что нерѣдко не уступали они и болѣе молодымъ; у нихъ также шутливость, веселость, лишь болѣе смягченная и незлобивая.

Привѣтливость киргизъ получаетъ иногда слѣдующее выраженіе: когда я въ началѣ іюня подѣзжалъ въ знойный день къ г. Темиру и когда вслѣдствіе жары чувствовалось утомленіе въ организмѣ и удрученное нѣсколько настроеніе, мою тяготу разсѣялъ поправшійся на дорогѣ киргизъ, котораго мы обогнали: поровнявшись съ нами, онъ сказалъ что-то, я спросилъ переводчика, что онъ произнесъ; оказалось, что киргизъ сказалъ: «сапár хайрлы бұлсын», т. е. пусть будетъ счастливо ваше путешествіе. Подобное доброе привѣтствіе было такъ неожиданно отъ совершенно чуждаго киргиза, что не могло не тронуть и не вызвать хорошихъ чувствъ и думъ объ этомъ народѣ, который такъ внимателенъ къ путникамъ, какъ и русскій человѣкъ не бываетъ внимателенъ.

Что касается гостепрїимства, то охарактеризовать его можетъ слѣдующій случай, бывшій со мной.

Такъ какъ нерѣдко киргизы затягивали ужинъ къ полночи и даже далѣе, можетъ быть, желая этимъ придать особенную торжественность приему, а я между тѣмъ съ дороги хотѣлъ поскорѣе спать, то въ одномъ мѣстѣ я думалъ отказаться отъ роли гостя и просто купить мяса и велѣть поскорѣе его сварить. Хозяина не было дома, когда мы пріѣхали. По его возвращеніи ему сообщили о моемъ желаніи. Онъ тогда довольно грубо и крикливо сталъ меня спрашивать, такъ ли я хочу мяса или за деньги и добавлялъ, что дешево онъ не продастъ. Мнѣ очень не понравился этотъ грубый хозяинъ и его пріемъ, но я сдержанно говорилъ ему, что дамъ денегъ, сколько слѣдуетъ. Тогда хозяинъ, помолчавъ немного, сказалъ: «Нѣтъ, денегъ не возьму, я тебя ради гостепріимства такъ угощу». Я удивился его перемѣнѣ и объяснилъ себѣ ее только во время слѣдовавшаго затѣмъ чаепитія; хозяинъ за чаемъ спрашивалъ меня обиженнымъ тономъ, зачѣмъ я потребовалъ мяса, а не молчалъ; оказывалось, по киргизскому обычаю, пріѣзжающій долженъ молчать относительно пищи, а хозяинъ самъ подумаетъ, чтобы угостить гостя. Такимъ образомъ я нарушилъ исконный обычай киргизъ. Послѣ съ хозяиномъ мы разстались друзьями.

ХІІ. Киргизская женщина.

Скажу нѣсколько словъ о киргизской женщинѣ. Она, какъ извѣстно, поставлена въ инныя гораздо болѣе свободныя условія, чѣмъ женщина у другихъ мусульманъ, напр., у башкиръ, а особенно у татаръ. Въ то время, какъ у послѣднихъ женщина весь вѣкъ проводитъ въ домѣ, семьѣ, и ей не позволяется не только появляться въ обществѣ мужчинъ, но даже и смотрѣть на нихъ и открывать лицо свое, у киргизъ женщина пользуется полною свободою въ общежитіи, никогда не закрываетъ своего лица, постоянно присутствуетъ и разговариваетъ въ кругу мужчинъ и даже занимается иногда торговыми дѣлами и появляется на базарахъ, обращая вниманіе своимъ своеобразнымъ высокимъ головнымъ уборомъ изъ бѣлыхъ полотенцевъ (въ родѣ папахи), называемымъ жаулыхъ.

Киргизка обладаетъ вообще физическою крѣпостью и здоровьемъ, но не отличается красотой, за рѣдкими исключеніями, напр., въ дни молодости.

Но при внѣшней свободѣ положеніе киргизской женщины, надо сказать, вообще забитое. Въ молодости, когда она еще невѣста, она

свободна и беззаботна, какъ вольная птица, работъ, кромѣ легкихъ рукодѣлій не знаетъ, за скотомъ почти не ухаживаетъ, и вѣсть отъ отъ нея свѣжестью, здоровьемъ, румянецъ играетъ на щекахъ ея, веселье не оставляетъ ея тогда и она достигаетъ если не красоты, то нѣкоторой милovidности. Уже въ то время она появляется въ общихъ собраніяхъ и безъ принужденія разговариваетъ и шутитъ съ муцинами, будутъ ли то старики или молодые парни.

Путешественнику бросается въ глаза, что киргизскія дѣвушки имѣютъ специальную обязанность устраивать чаепитіе и разливать чай въ кругу всего собранія. Только сами онѣ не пьютъ чай, а лишь разливаютъ его другимъ и наблюдаютъ, кому онъ надобенъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни у башкиръ, ни у татаръ, у которыхъ женщина такая дикая, застѣнчивая, неразговорчивая, и проявляетъ лишь одно качество, что усиленно прячется или въ уголь, или за зановѣской.

Если пріѣзжаетъ особенный гость, то киргизская дѣвушка къ чаепитію наряжается въ праздничную цвѣтную одежду съ позументами и шапочку съ перомъ, подбитую мѣхомъ, называемую бѣрк; эта шапочка придаетъ киргизкѣ довольно эффектный видъ. За чаепитіемъ бывають оживленные разговоры и шутки, при чемъ дѣвицы сначала молчатъ, а потомъ и сами принимаютъ участіе; иногда шутки становятся щекотливыми съ нашей точки зрѣнія. Случается, что киргизки въ полѣ прогуливаются въ кругу муцинъ.

Но когда киргизка выходитъ замужъ, красное ея житѣ кончается. На ея долю падаютъ всѣ работы по хозяйству, такъ какъ сами киргизы буквально ничего не дѣлаютъ и ни въ чемъ не принимаютъ участія, разѣзжаются лишь по гостямъ и на празднества.

Киргизка-хозяйка съ ранняго утра, еще до восхода солнца, начинаетъ возитъся со скотомъ, привязываетъ и отвязываетъ козъ, барановъ, доитъ коровъ и верблюдицъ, прогоняетъ ихъ пастись, ведетъ счетъ скоту, тогда какъ киргизъ имѣетъ смутныя понятія о количествѣ своего скота. Затѣмъ киргизка надоенное молоко выливаетъ въ кадочки для кумыса и приготовляетъ кумысъ; занимается стряпней, очищаетъ и приготовляетъ шкуры отъ зарѣзаннаго скота, выбиваетъ и просушиваетъ мѣха, прядетъ, занимается тканьемъ и валеніемъ войлока или кошмъ; между прочимъ киргизки приготовляютъ иногда красивыя кошмы съ нашитыми узорами, наз. текемет; вечеромъ опять возитъся со скотомъ, доитъ, отдѣляетъ часть его, которая должна остаться при кибиткѣ, отъ той, которая идетъ пастись на ночь.

Такимъ образомъ весь день киргизки проходятъ въ трудахъ, и ея положеніе вѣчной работницы и слуги для мужа ярко подчеркивается вечеромъ, когда ея ничего не дѣлающій мужъ, отходя ко сну, призываетъ ее къ себѣ и велитъ ей снять съ него сапоги (етык).

Благодаря такой вѣчной работѣ киргизка скоро теряетъ свою свѣжесть и въ среднихъ лѣтахъ смотритъ испитой, сморщенной, страшной полустарухой съ почти мужскими движеніями и голосомъ. Сходство съ мужчиной и некрасивый видъ увеличиваются еще оттого, что киргизки-хозяйки ради удобства въ работахъ, особенно во время ухода за скотомъ, надѣваютъ штаны (дамбал) и принимаютъ какой то странный видъ: не то женщины, не то мужчины. Но впрочемъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр., въ Тургайскомъ уѣздѣ) считается неприличнымъ, если женщина надѣваетъ штаны.

Но это не мѣшаетъ имъ пользоваться свободой, и въ добавленіе слѣдуетъ сказать, что женщины иногда поютъ въ присутствіи мужчинъ, какъ и мнѣ удалось слышать пѣніе дѣвушекъ и записать ихъ мелодіи.

Сурового обращенія мужей съ женами я не встрѣчалъ и, кажется, оно рѣдко случается, также мягко обращаются они съ дѣтьми: я нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы отцы или матери колотили дѣтей или давали имъ подзатыльники, какъ это часто водится въ русскихъ семьяхъ, и ребятишки поэтому выглядываютъ бойкими, смышленными и просто себя держать.

Красивой женой киргизъ, напротивъ, склоненъ хвалиться. Одинъ киргизъ-игрокъ на домбрѣ, ни слова не знавшій по-русски, пригласилъ меня въ гости и при этомъ добавлялъ, что жена у него очень хороша (катын бик якшы), а когда я увидѣлъ его жену, молодую и не лишнюю миловидности, киргизъ послѣ не разъ упоминалъ о ней и при этомъ употреблялъ единственное извѣстное ему русское слово, «сладка, сладка».

Молодые киргизки обнаруживаютъ любознательность; когда я прѣхалъ однажды на большое собраніе киргизъ въ Мугоджарскихъ горахъ (совершали поминки по богатомъ киргизѣ, — наз. ас), то на второй день моего пребыванія, меня вызвали изъ кибитки и сказали, что одна киргизка желаетъ меня видѣть; выхожу: стоятъ двѣ киргизки, одна помоложе, другая постарше и застѣнчиво улыбаются; я спрашиваю, что имъ надобно; онѣ отвѣтили, что услышали о пріѣздѣ русскаго и захотѣли посмотреть на него; дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ русскихъ никогда почти не бываетъ; я пригласилъ ихъ зайти въ кибитку; киргизки смутились было сначала обществомъ киргизъ:

по вскорѣ оправились и объяснили причину своего появленія; затѣмъ говорили мнѣ, что онѣ такъ много наслышались о русскихъ, знаютъ, что все хорошее исходить отъ русскихъ, поэтому захотѣли непременно повидать русскаго и сами думаютъ черезъ годъ поѣхать въ русскіе города, посмотрѣть, какъ живутъ русскіе; я предполагалъ снять фотографіи съ нихъ и съ группы дѣвушекъ, бывшихъ на поминкахъ, но молодые парни воспротивились, кажется, ревновали. Болѣе пожилыя киргизки заявляютъ себя консерваторами, защитницами старыхъ устоевъ жизни и противницами русскихъ новшествъ. Когда я проѣзжалъ по ауламъ въ сопровожденіи учениковъ Оренбургской киргизской учительской школы, то пожилыя женщины не разъ обнаруживали къ нимъ враждебность и даже ругали ихъ, если они разговаривали со мною и между собою по-русски: «вы совсѣмъ русскіе стали», — говорили имъ киргизки, — «скоро вѣру свою перемѣните; прежде никто не учился русской грамотѣ, а вотъ какіе почтенные люди выходили, не то, что вы», и при этомъ киргизка указывала на одного изъ присутствовавшихъ. Выраженіе. «ты совсѣмъ русскій сталъ» получало даже характеръ брани.

Киргизки въ данномъ случаѣ были представительницами той народной оппозиціи противъ владычества русскихъ, которая, конечно, все больше вымираетъ, но слѣды которой еще существуютъ и теперь: такъ, въ одной волости (Бистамакской, Актюбинскаго уѣзда) волостной писарь русскій, прекрасно владѣвшій киргизскимъ языкомъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ самъ, какъ киргизы иногда въ зимніе вечера поютъ пѣсни, въ которыхъ жалуются на то, зачѣмъ это Аллахъ сдѣлалъ такъ, что ими владѣютъ русскіе.

Съ водвореніемъ русской власти началось юридическое уравненіе правъ мужчины и женщины среди киргизъ. Но на сколько еще дики киргизы и киргизки и къ какимъ своеобразнымъ и курьезнымъ происшествіямъ ведетъ проникновеніе новыхъ русскихъ началъ въ старую вѣковую киргизскую среду, показываютъ, напр., слѣдующіе случаи, о которыхъ мнѣ рассказывали на мѣстѣ.

Огромная часть киргизской территоріи въ томъ числѣ та, гдѣ я былъ, — районъ Мугоджарскихъ горъ, совершенно лишены путей сообщенія, русскихъ поселеній совсѣмъ нѣтъ, и киргизы ѣздятъ исключительно верхомъ; между тѣмъ властямъ и путешественникамъ приходится пускаться въ эти непроѣздныя мѣста; въ этихъ случаяхъ и возникаютъ для нихъ разнаго рода трудности и приключенія при добычѣ лошадей.

Лѣтомъ 1895 г. Темирскій уѣздный начальник Уральской области (М. И. Дубровинъ) проѣзжалъ съ лѣсничимъ на Мугоджары. На урочищѣ Кумь-Сай, на рѣкѣ Эмбѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Мугоджарскихъ горъ, понадобилось перемѣнить лошадей, и взяли одну лошадь у киргизки-вдовы, которая одѣта была, по мѣстному обыкновению, въ штаны; она заохала, зататорила, стала говорить, что ее, вдову, обжаютъ, отнимаютъ послѣднюю лошадь, а у нея мужа нѣтъ, некому ее защитить; когда эти причитанія и упрямство не подѣйствовали, она спустила съ себя штаны и обнажила себя въ присутствіи уѣзднаго начальника; хорошенько не могли понять, чтѣ хотѣла она выразить этимъ, — презрѣніе-ли къ присутствующимъ или дать доказательство, что она женщина, слабое существо, вѣрнѣе послѣднее; только уѣздный начальникъ тотчасъ составилъ протоколъ и наказалъ ее 15-ти дневнымъ арестомъ, для чего она доставлена была въ гор. Темиръ. Киргизка, конечно, не ожидала такихъ послѣдствій, такъ какъ до сихъ поръ всюду водилось и по шаригату установлено, что за проступки женщинъ отвѣчали мужчины.

Но русская власть стала привлекать къ отвѣтственности и киргизокъ. Въ 1896 г. были привлечены къ суду въ Темирскомъ уѣздѣ двѣ киргизки по обвиненію въ сопротивленіи властямъ.

Эти киргизки оказали сопротивленіе уряднику, когда послѣдній пріѣхалъ въ одинъ аулъ для производства переписи или сбора недоимокъ, чего-то въ этомъ родѣ. Бабы выбѣжали изъ кибитки съ палками и набросились на урядника, который былъ принужденъ отступить. Когда киргизокъ привлекли къ отвѣтственности, ихъ убѣждали по правдѣ рассказать, почему онѣ напали на урядника. Онѣ рѣшительно заявляли, что невиноваты, что исполняли только волю своего мужа-старика, который, когда приходилъ урядникъ, лежалъ въ своей кибиткѣ и кричалъ имъ оттуда: «гоните этого урядника, чтѣ онъ тутъ шатается?» Ослушаться мужа имъ, бабамъ, нельзя, и онѣ должны были недопустить урядника въ ихъ кибитку.

Сопротивленіе власти было оказано, и киргизки подлежали всей строгости законовъ, должны были быть приговоренными къ арестантскимъ ротамъ, и только по Всемиловѣйшему коронаціонному манифесту онѣ были освобождены отъ наказанія.

Но вообще киргизской женщинѣ не трудно приспособиться къ новымъ началамъ, вносимымъ русскими, залогомъ чего служить, между прочимъ та свобода, какою пользуется женщина у киргизъ и которая такъ выгодно отличаетъ ее и даетъ ей преимущества передъ женщиной татаръ и народностей Средней Азіи, обреченной на вѣчное отчужденіе

отъ общественной жизни; причину, свободнаго положенія женщинъ у киргизъ надобно видѣть въ томъ, что мусульманство съ своимъ шаригатомъ еще не успѣло ассимилировать киргизъ, проникнуть въ глубь ихъ народныхъ понятій и привить имъ свой условный и угнетающій взглядъ на женщинъ.

Всѣ впечатлѣнія передавать было бы слишкомъ долго; коснусь въ настоящій разъ только наиболѣе значительныхъ и разкажу, что я, между прочимъ, встрѣчалъ особый типъ киргизъ, изъ котораго вырабатывались, по словамъ киргизъ, до русскаго владычества такъ называемые батыри, могучіе духомъ и тѣломъ богатыри, коноводы, предводители народныхъ полчищъ, неустрашимые и находчивые во всякихъ обстоятельствахъ, которые и воспѣвались въ народной поэзіи, въ столь многочисленныхъ у киргизъ эпическихъ произведеніяхъ. Такой киргизъ-батырь былъ моимъ проводникомъ.

XIII. Типъ батыря.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ гор. Темирѣ Уральской обл. во время ярмарки, когда я увидѣлъ, что киргизы были черезчуръ заняты какъ ею, такъ и чрезвычайнымъ междуобластнымъ судебнымъ сѣздомъ, на который собралось множество киргизскихъ судій, такъ называемыхъ биевъ, — я выѣхалъ 8 іюня на востокъ по направленію къ Мугоджарскимъ горамъ, населеннымъ, какъ мнѣ говорили, совсѣмъ дикими и еще не знавшими русскихъ вліяній киргизами, — въ сопровожденіи цѣлой свиты.

Темирскій уѣздный начальникъ командировалъ въ Мугоджарскія горы въ распоряженіе занимавшагося тамъ размежеваніемъ казенныхъ лѣсовъ топографа — двухъ киргизъ: кандидата на должность волостнаго управителя Эмбо-Темирской волости Маштія Жалимбетова и старшину 7-го аула той же волости Дарбая Жанысбаева. Эти представители волостной власти хотя должны были не отлучаться изъ волости, пока топографъ производилъ свои работы въ горахъ, но соблазвившись открывшейся въ то время Темирской ярмаркой, пріѣхали на нее въ городъ, оставивъ топографа безъ своего содѣйствія.

Уѣздный начальникъ (М. И. Дубровинъ) строго приказалъ имъ ѣхать обратно къ топографу и быть при немъ неотлучно, какъ они ни

умоляли его позволить остаться на ярмаркѣ для окончанія начатыхъ уже торговыхъ дѣлъ.

Сказавъ, что ихъ дѣла на ярмаркѣ окончатъ родственники, уѣздный начальникъ поручилъ имъ также сопровождать меня, такъ какъ я собирался ѣхать въ томъ же самомъ направленіи къ высшей вершинѣ Мугоджарь — горѣ Айрыку.

Къ намъ присоединились еще нѣсколько киргизъ, между прочимъ, кончившій курсъ Оренбургской киргизской учительской школы Кужахметъ-Исенгуловъ и старшина ближайшей волости, по которой намъ предстояло проѣзжать: по распоряженію уѣзднаго начальника, въ каждой волости насъ долженъ былъ сопровождать мѣстный волостной старшина и указывать путь, такъ какъ мы ѣхали въ мѣстности, лишенные всякихъ путей сообщенія, въ которыхъ могли не заблудиться лишь тамошніе киргизы.

И вотъ рано утромъ въ 7 ч., 8 іюня, мои спутники явились въ домъ уѣзднаго управленія, гдѣ я имѣлъ помѣщеніе, а въ 11^{1/2} часовъ мы выѣхали: я съ переводчикомъ своимъ изъ Оренбурга (ученикомъ киргизской школы Юсуповымъ) въ купленномъ мною наканунѣ на ярмаркѣ экипажѣ, а остальные — верхомъ на лошадяхъ.

Образовался такимъ образомъ цѣлый поѣздъ: центръ составлялъ нашъ экипажъ, а впереди и сзади или съ боковъ ѣхали всадники.

Главою поѣзда явился упомянутый кандидатъ Маштій Джалимбетевъ породный, могучій киргизъ, 65 лѣтъ, съ сиплымъ громкимъ басомъ, суровой и пожалуй свирѣпой, морщинистой, крупной фізіономіей и спокойнымъ острымъ взглядомъ.

Когда онъ сидѣлъ на лошади въ своей остроконечной шапкѣ (называемой тумакъ) и слегка откидывался широкой спиной назадъ, то онъ казался великаномъ, а когда ѣхалъ, держалъ себя прямо и отважно, по предводительски; къ нему незамѣтно перешла первенствующая роль, а командовалъ онъ властно, рѣшительно, и взоръ его глазъ исполненъ былъ силы.

На дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ общеніи со мной, оказался добродушнымъ киргизомъ.

Считая себя вожакомъ поѣзда (уѣздный начальникъ поручилъ ему доставлять мнѣ на пути лошадей), онъ считалъ своею задачею услужить «таксыру», т. е. господину, поэтому на стоянкахъ въ аулахъ, при перемѣнѣ лошадей вѣско ругался, торопилъ, грозилъ сослать въ Сибирь и обнаруживалъ при этомъ даръ юмора, успѣшно смѣша киргизъ, которые весело хохотали; вообще онъ былъ мастеръ смѣшить толпу, а самъ

почти не смѣлся. Въ отвѣтъ ему говорили: «вѣдь свать тебя хозяинъ (лошадей), что ты его очень пугаешь?» Онъ возражалъ, что хотъ загнать лошадей, а таксыр'а не задерживать.

Маштій, котораго киргизы называли «кандилятъ» или уменьшительно Машикъ и котораго они побаивались, но и уважали, несомнѣнно отличался расторопностью и распорядительностью и по справедливости былъ награжденъ отъ начальства серебряной медалью для ношенія на Станиславской лентѣ. Онъ въ отношеніи добыванія лошадей былъ незамѣнимъ для насъ, такъ какъ въ этой мѣстности (около Мугоджарскихъ горъ) даже власти встрѣчаютъ при проѣздѣ затрудненія, такъ какъ отъ г. Темира до Мугоджарскихъ горъ и далѣе ни дорогъ, ни станцій нѣтъ, а переѣзжаютъ отъ аула къ аулу и при посредствѣ старшинъ мѣняютъ лошадей; но киргизы упрямятся давать лошадей въ лѣтнюю пору, уходя въ стороны отъ мѣстъ проѣзда; если проѣзжающій не представляетъ изъ себя власти, то онъ много натерпится отъ киргизскаго отлыниванья. Даже уѣздный начальникъ испытываетъ иногда задержки. Во избѣжаніе подобныхъ задержекъ для лицъ официальныхъ или со специальными цѣлями посылаютъ впередъ такъ называемаго чабара (разсылнаго) заготовлять на мѣстахъ остановокъ лошадей. На первой остановкѣ, на урочищѣ Ашá (вилка, при сліяніи двухъ рѣкъ Темира и Кульденень-Темира, похожемъ на вилку), въ 20 верстахъ отъ города, мы не встрѣтили никакой задержки въ лошадяхъ: въ полѣ смѣнили намъ лошадей, и мы поѣхали далѣе; помѣхой нашему путешествію оказалась неисправность экипажа: татары, продавая его, скрыли, что ослабѣли гайки у колесъ, и вотъ во время пути переднее колесо стало спадать; это обстоятельство причиняло намъ столько хлопотъ, что доѣхавъ кое-какъ до второй остановки въ аулѣ одного султана въ мѣстности Чотай, въ 40 верстахъ отъ г. Темира), я рѣшилъ послать экипажъ назадъ въ городъ для исправленій; благодаря этому мы пробыли въ этомъ аулѣ до 6 час. веч. слѣдующаго дня (9 іюня).

Въ аулѣ султана для насъ была приготовлена отдѣльная кибитка по-киргизски ўй), о чемъ заранѣе позаботился «кандидатъ»; пріятно было войти въ чисто, хорошо-убранную сплошь коврами (клем) кибитку и сѣсть въ почетномъ мѣстѣ на новыя еще бухарскія одѣяла (кѳрпѣ). По поводу нашего пріѣзда былъ зарѣзанъ баранъ, и мы видѣли, какъ дымилась два костра, на которыхъ варилась баранина. Я ходилъ между прочимъ, въ стадѣ барановъ и верблюдовъ; бараны видѣли, вѣроятно, въ первый разъ человѣка, не похожаго на киргизъ, потому что они

робко, но съ большимъ любопытствомъ протягивали головы, обнюхивали меня и ходили вслѣдъ за мною.

Время проходило въ угощеніяхъ и разговорахъ; на другой день послѣ обѣда разговаривали и шутили; присутствовалъ хозяинъ съ женою, и кандидатъ не преминулъ обнаружить свою манеру острить; я спросилъ, сколько лѣтъ султану; сказали, что ему 65 лѣтъ; тогда кандидатъ выбранился, зачѣмъ много сказалъ, сказалъ бы меньше; султанъ отвѣтилъ, что Маштій, т. е. кандидатъ, бранится потому, что ровесникъ съ нимъ и хочетъ лѣта свои скрывать: у него-де, султана, бѣлая борода по краямъ, а у кандидата черная оттого, что бѣлые волосы онъ выпщипываетъ; всѣ засмѣялись; на эту шутку кандидатъ отвѣтилъ довольно своеобразно: смѣясь, онъ сказалъ, что жена султана (которая сидѣла здѣсь же) занимается прелюбодѣніемъ; всѣ громко засмѣялись, въ томъ числѣ и султанъ, а я думалъ, что слова кандидата будутъ приняты за дерзость, и произойдетъ ссора; но это была шутка въ киргизскомъ вкусѣ, и при общемъ смѣхѣ султанъ отвѣтилъ лишь своей шуткой, сказавъ: «кандидатъ ходитъ по трактирамъ (т. е. публичнымъ домамъ)»; всѣ обратились къ «кандидату» и стали на его счетъ хохотать; но кандидатъ не остался въ долгу и отвѣтилъ: «Султанъ сдурѣлъ» (сошелъ съ ума).

Я спросилъ неужели не обижаются на такія шутки: — «нисколько», отвѣтили мнѣ, — «такъ вѣдь и русскіе шутятъ»; — «нѣтъ, такія шутки не позволительны у русскихъ», отвѣтилъ я. тогда мой собесѣдникъ, киргизъ, кончившій курсъ въ Оренбургской киргизской учительской школѣ, отвѣтилъ мнѣ: — «какъ непозволительны? я самъ видѣлъ въ Оренбургѣ, въ Темирѣ, какъ мужчины бѣгаютъ за чужими женами, берутъ ихъ за платье»... Я сказалъ, что это считается неприличнымъ; — «а у насъ это ничего, это вѣдь шутка», объяснилъ собесѣдникъ.

Но подобныя шутки допускаются лишь между ровесниками, въ противномъ случаѣ онѣ принимаются за оскорбленіе.

Вечеромъ этого дня въ 6 ч. мы поѣхали далѣе, когда изъ города доставили мой экинажъ въ исправленномъ видѣ.

Я требовалъ, чтобы везли на оврагъ или рѣчку Кумжарганъ, какъ то значилось по маршруту, взятому мною изъ города; тогда киргизы много толковали между собою, какъ прямѣе поѣхать, а также обсуждали, сколько верстъ считать для этого переѣзда, и не могло ничего сказать, пока я самъ не назначилъ разстоянія въ 25 в., какъ примѣрно говорили мнѣ въ городѣ.

Разстояній между остановками киргизы точно не знаютъ и говорятъ

наугадъ, также и русскіе власти не знаютъ, сколько верстъ считать отъ г. Темира до Мугоджаръ; киргизы довольствуются платой за такое число верстъ, какое имъ говорятъ.

Ѣзда по степи безъ дорогъ, не смотря на относительную ровность степи, оказываются порядочно тряской.

Вообще край этотъ почти во всѣхъ отношеніяхъ неустроенный, первобытный. Одно здѣсь хорошо, это — прекрасный воздухъ, степь съ душистыми травами, климатъ умѣренно-жаркій и отличный кумысъ и баранина.

Нашъ поѣздъ въ прежнемъ своемъ составѣ тронулся въ путь.

«Кандидатъ» по прежнему игралъ первенствующую роль и важно сидѣлъ на лошади, то уѣзжая впередъ экипажа, то отставая сзади.

Вскорѣ мы поднялись на невысокую возвышенность Маметь, съ которой въ первый разъ увидѣли высшую вершину Мугоджаръ — гору Айрыкъ (что значитъ виллообразная, такъ какъ она раздвояется, имѣеть двѣ главы), мнѣ сказали, что мы находимся на разстояніи верстъ 60-ти отъ горъ, которыя лежатъ заразъ по ту сторону рѣки Эмбы.

Айрыкъ, разъ показавшись, сталъ служить для моихъ спутниковъ среди ровной степи—маякомъ, и мои киргизы объявили, что будутъ ѣхать все время прямо на Айрыкъ, не упуская его изъ глазъ: за чѣмъ-де ѣхать не по прямой линіи.

Проѣхавъ менѣе десяти верстъ, киргизы, хотѣли было, неизвѣстно почему, смѣнить лошадей во встрѣчномъ аулѣ, ссылаясь на то, что лошади устали, но я сказалъ, что раньше Кумжаргана (намѣченнаго для стоянки пункта) я не соглашусь на смѣну лошадей и не дамъ прогнать. Тогда киргизы, которые только что говорили объ усталости лошадей, усердно погнали ихъ во главѣ съ «кандидатомъ», стали гикать и хлестать нагайками (камчѣ по-киргизски), точто лошади успѣли освѣжиться, и мы быстро поѣхали по степи, только экипажъ изрядно встряхивало на неровностяхъ и кочкахъ, такъ что часто приходилось говорить ямщику «акырынъ» (осторожно).

«Кандидатъ» опять заявилъ себя какъ человѣка, не затрудняющагося въ выборѣ средствъ, чтобы достигъ намѣченной цѣли.

Мой спутникъ переводчикъ рассказывалъ мнѣ, что «кандидатъ», чтобы произвести большее впечатлѣніе на киргизъ и чтобы они не держивали лошадей, говорилъ имъ обо мнѣ, что я ѣду изъ Петербурга и что я чуть ли не родной братъ Государя Императора, а если не родной братъ, то близкій знакомый; я спросилъ моего спутника, вѣрятъ ли ему киргизы:—«вѣрятъ, конечно», отвѣтилъ онъ;—«а самъ то онъ

шутить или серьезно говорить?» спросилъ я, — «да онъ самъ, конечно, ничего не знаетъ, только говорить съ увѣренностью, а киргизы вѣрятъ: киргизы вѣдь думаютъ, что если кто изъ Петербурга, значитъ знакомъ съ Государемъ Императоромъ».

Хотѣли было еще разъ киргизы мѣнять лошадей, не доѣзжая намѣченнаго пункта (Кумжаргана), но я объявилъ, чтобы везли дальше; очевидно, киргизы были рады почаще останавливаться ради времепровожденія и яденія баранины; такъ какъ они сопровождали «туря», т. е. чиновника, то это было достаточнымъ основаніемъ заставлять на каждой остановкѣ рѣзать барана и угощаться; въ виду этихъ обстоятельствъ къ нашему поѣзду присоединилось добровольно не мало киргизъ, которые говорили, что ѣдутъ по дѣлу, тогда какъ у степняка вообще не бываетъ дѣла, такъ что я ѣхалъ уже въ сопровожденіи 15 — 18 всадниковъ.

Наконецъ, часу въ 9-мъ вечера мы пріѣхали на стоянку Кумжарганъ; съ нами былъ новый волостной старшина, такъ какъ старшины провожали насъ только до конца своего участка.

Былъ тихій, ясный вечеръ, солнце уже сѣло за пригоркомъ и горѣла заря; на ясномъ фонѣ ея въ полумракѣ вырисовывались три, четыре кибитки аула киргиза Урманкула (9-го аула); собаки встрѣтили насъ хриплымъ лаемъ.

Мы остались ночевать, такъ какъ ночью ѣхать было неловко и лошадей негдѣ было достать.

Для насъ, по распоряженію «кандидата», готовили кибитку; это былъ бѣдный аулъ, поэтому и кибитка оказалась гораздо хуже и грязнѣе, чѣмъ у Султана на Чотаѣ.

Стали выработать дальнѣйшій нашъ маршрутъ; рѣшили ѣхать утромъ прямымъ путемъ на Айрыкъ, но затѣмъ «кандидатъ» обратился ко мнѣ съ пространною рѣчью слѣдующаго содержанія. Онъ говорилъ, что сердечно желаетъ мнѣ услужить, что онъ старый человѣкъ, но не жалѣеть себя, лишь бы сдѣлать все для моего путешествія лучше; но теперь пріѣхали въ такія мѣста, гдѣ ауловъ мало, киргизы упрямы и не даютъ сразу лошадей; онъ говорилъ, что ужъ принялъ мѣры къ отысканію лошадей, послалъ за пятидесятникомъ, который и долженъ привести лошадей; но ожидаетъ, что ктонибудь будетъ сопротивляться ему, не смотря на всѣ настоянія; онъ опасался, что съ такими онъ самъ пожалуй не справится, поэтому просилъ меня, такксыр'а, чтобы я согласился записывать имена такихъ упрямцевъ и сообщить о нихъ уѣздному начальнику.

Я далъ на это согласіе; оно, вѣроятно, надобно было «кандидату», чтобы имѣть въ этомъ лишнюю угрозу для киргизъ; это былъ въ своемъ родѣ манѣвръ кандидата въ виду присутствовавшихъ киргизъ.

Затѣмъ «кандидатъ» сказалъ, что онъ позаботился о нашемъ ужинѣ, велѣлъ зарѣзать барана, а самъ поѣдетъ впередъ готовить лошадей и просилъ моего согласія; когда я на такую его самоотверженную услужливость предложилъ сначала напиться чаю, «кандидатъ» передалъ мнѣ черезъ переводчика, что онъ такой человекъ, что когда служба, онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ; впрочемъ, передъ отъѣздомъ онъ выпилъ три чашки кумыса; ночью онъ самъ искалъ лошадей въ 8-мъ аулѣ, а старшину и пятидесятника послалъ въ 9-й аулъ, отъ угощенія бараниной отказался и только наказалъ, что останется отъ насъ, угостить этимъ прислугу. Не оставивъ никого своими попеченіями, онъ уѣхалъ.

Было около полуночи; еще мы не улеглись совсѣмъ, какъ доставили намъ одного жеребца, но пришелъ хозяинъ его и поднималъ цѣлое препирательство, говоря, что у лошади его испорчена спина, нельзя на ней ѣхать; его урезонивали, что если онъ не дастъ лошади и позволить ему это, то и другіе никто не будетъ давать лошадей, если онъ будетъ упрямяться, то съ нимъ поступать по всей строгости закона; тогда киргизъ уступилъ лошадь.

Утромъ, на другой день, опять была исторія изъ-за лошадей, благодаря женскому упрямству. Когда уже стали запрягать лошадей, явились двѣ киргизки и подняли сильный крикъ; ихъ урезонивали киргизы внѣ кибитки; «кандидатъ» сидѣлъ въ кибиткѣ и слушалъ, но чувствуя, что дѣло на ладъ нейдетъ, онъ обратился ко мнѣ со словами, вотъ-де бабы какія вздорныя, и вышелъ къ нимъ самъ; я также любопытствовалъ, что такое происходитъ снаружи: двѣ киргизки стояли вблизи кибитки и одна изъ нихъ какъ будто плакала; киргизы не могли сговориться съ ними, а «кандидатъ» однимъ своимъ появленіемъ и голосомъ, не допускающимъ возраженій, устроилъ дѣло, — онъ просто, какъ говорится отрѣзалъ имъ: «вы хоть вдвое больше ревите, лошадей не отдадимъ».

Слова кандидата успокоили ихъ, и онѣ, потараторивъ, ушли, и только, когда мы отъѣзжали, онѣ кучкой сидѣли на травѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и такъ недружелюбно смотрѣли на нашъ отъѣздъ.

Бабы, какъ мнѣ объяснили, являются лишь подставными лицами своихъ мужей, которые научаютъ ихъ поднимать кляузу, боясь сами отвѣтственности и будучи увѣрены, что бабамъ ничего не сдѣлаютъ,

такъ какъ по ихъ обычаю и по шаригату женщина не отвѣтственна за свои поступки; однако они ошибаются въ своихъ расчетахъ: въ послѣднее время русская власть привлекаетъ къ отвѣтственности и киргизскихъ женщинъ.

Было жарко, когда мы поѣхали далѣе на Эмбу къ Мугоджарскимъ горамъ. Въ это время случился эпизодъ, имѣвшій связь съ заботой «кандидата» обезпечить насъ лошадьми.

Въ сторонѣ отъ нашего пути паслись чьи то лошади; одну изъ нихъ, по приказанію «кандидата», захватилъ киргизъ изъ нашего поѣзда и поскакалъ съ нею къ намъ; въ догону за похитителемъ мчался по полю во весь духъ пастухъ на перерѣзъ намъ; мой кучеръ и переводчикъ, увидѣвъ это, хохотали между собой и передали мнѣ о происшествіи, мы стали слѣдить, что будетъ далѣе, верховой подскакалъ, нѣкоторое время стоялъ и затѣмъ спокойно отѣхалъ отъ нашихъ спутниковъ, которые были значительно впереди насъ, вѣроятно «кандидатъ» по обыкновенію далъ такой внушительный отвѣтъ, въ родѣ того, что если будешь-де прекословить, въ Сибирь законопачу тебя, что киргизу ничего не оставалось, какъ покориться и отѣхать.

Ради жары киргизы упросили меня остановиться во встрѣчномъ аулѣ, около высохшаго озера Башынкуля, напиться чаю, но дѣло опять не обошлось безъ баранины.

Такимъ образомъ киргизы не разъ дѣлали, какъ потомъ оказывалось, лишнія, ненужныя остановки.

Во время чаепитія кандидатъ проявлялъ обычный свой юморъ, и толпа охотно смѣялась; такъ какъ онъ былъ грузень, то мѣнялъ лошадей, на которыхъ ѣхалъ верхомъ, причемъ не очень церемонился съ хозяевами лошадей; когда онъ на этой остановкѣ заявилъ претензію на одну лошадь, хозяинъ хотѣлъ отдѣлаться отъ «кандидата» и сказалъ, что лошадь его хромаетъ; тогда кандидатъ заявилъ, что тѣмъ лучше, что онъ на хромой лошади дремать не будетъ, зная, конечно, что лошадь исправная; а когда мы отѣзжали кучеръ изъ предыдущаго аула потребовалъ назадъ веревку, которую у него взяли для нашего поѣзда; «кандидатъ» съ напускной строгостью отвѣтилъ ему: «а ты моли Бога, чтобы мы тебя не взяли съ собой дальше, а не то, что веревку спрашивать». Дружный хохотъ и говоръ слышался всюду, гдѣ принималъ то или другое участіе «кандидатъ», и никто изъ киргизъ не могъ отговариваться противъ словъ его; они были подъ обаяніемъ его личности изъ почтительности и ласковыхъ чувствъ къ нему нерѣдко величали то «кандидатъ», то уменьшительнымъ Машикъ.

Мы имѣли еще остановку, прежде чѣмъ доѣхать до Мугоджарскихъ горъ, на урочищѣ или рѣчкѣ Кумъ-Сай.

Здѣсь кандидатъ позаботился взять съ собою человѣкъ 5 киргизъ на случай, если топографу, къ стоянкѣ котораго въ горахъ мы ѣхали, понадобятся рабочіе.

Во время пребыванія здѣсь «кандидатъ» отпуская шутки на счетъ киргизской дѣвушки, занимавшейся разливаніемъ чая, рассказывая о себѣ, какой онъ былъ молодецъ не промахъ въ своей молодости, смѣшиль окружавшихъ, но самъ не смѣялся.

Наша свита увеличилась, и мы поѣхали къ Мугоджарамъ, мѣстность замѣтно повысилась, составляя первую террасу къ Мугоджарскимъ горамъ.

Мы добрались до верховьевъ горъ знаменитой въ Прикаспійскихъ степяхъ рѣки Эмбы и переѣхали ее бродомъ; по берегамъ росла густая трава и составляла большой контрастъ съ окружавшими желтѣвшими подъ палящимъ солнцемъ полями.

Вскорѣ раскрылась предъ нами синѣющая гряда Мугоджаръ и мы цѣликомъ увидѣли царящую надъ ними гору Айрыкъ, къ которой нашъ поѣздъ и направлялся.

Черезъ нѣсколько времени, проѣхавъ предгорья Мугоджаръ, мы наконецъ вѣхали и въ самыя горы; это были не очень высокія, пустынные, лишенные лѣснаго покрова горы; только густая трава покрывала, да въ ложбинахъ попадался мелкій кустарникъ, ютясь вдоль горныхъ ручьевъ. Мугоджары будутъ, вѣроятно, удобны для земледѣльческой культуры; предполагается въ нихъ присутствіе золота, серебра и драгоценныхъ камней; въ этомъ направленіи производила развѣдки въ горахъ лѣтомъ 1896 г. одна золотопромышленная компанія.

Аулы попадались рѣже, чѣмъ мы ожидали, потому что много киргизъ откочевало ближе къ Темирской ярмаркѣ.

Вскорѣ мы увидѣли въ одной лощинѣ кибитку топографа; «кандидатъ» и другіе киргизы уѣхали нѣсколько впередъ, и когда я подъѣзжалъ, наши спутники образовали уже около кибитки цѣлый станъ, и голоса ихъ оживляли безмолвныя долины.

Топографа не оказалось дома. Я былъ встрѣченъ дружными жалобами какъ моихъ киргизъ, такъ и работавшихъ у топографа, которые успѣли уже сговориться, — на его строптивость, придирчивость и плохой характеръ: все-де не такъ, все бранить, а вчера-де вечеромъ взялъ сварилъ свинины и налилъ супу изъ нея во всѣ сосуды: котель, ведро, чашки: — «Фу, кой (слово брезгливости у киргизъ) жаманъ ксы

(дурной человек), теперь намъ ѣсть не въ чемъ, варить мяса не въ чемъ», такъ говорили киргизы и просили меня дать имъ для приготовления чая дорожный чайникъ, такъ какъ топографъ даже и въ самоваръ (будто бы) налилъ свиного супа.

Свиной киргизы, какъ магометане, до чрезвычайности брезгають, и образъ поведенія топографа, если все это было вѣрно, оказывался страннымъ; вообще чиновники въ степи слишкомъ много себѣ подъ часъ позволяютъ и слишкомъ господствуетъ тамъ кокарда, подъ знаменемъ который кто только не глумится подъ часъ надъ инородцами, что вовсе не въ нашихъ интересахъ, подрывая то уваженіе и довѣріе къ намъ, какія мы приобрѣли себѣ въ Азіи.

Съѣздивъ на двуглавую вершину горы Айрыкъ, повидавшись съ топографомъ, который дѣйствительно пренебрежительно отзывался о киргизахъ: «охъ ужъ быть!» махаль онъ рукою, — и переночевавъ въ этой горной долині на открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ полной луны, мы на другой день, 12 юня утромъ, направились изъ предѣловъ горъ къ рѣчкѣ Кунджу, гдѣ мы рассчитывали встрѣтить, между прочимъ, киргизскихъ музыкантовъ.

Насъ приняли въ аулѣ, хотя и бѣдномъ, радушно, и весь народъ заранѣе высыпалъ встрѣтить насъ.

Вотъ мы стали лежать въ аулѣ въ ожиданіи слѣдующаго дня (когда должны были начаться поминки (ас) по богатомъ киргизѣ и на которыя мы рѣшили ѣхать), предаваясь разговорамъ, яденію баранины, купанью и пр.; отъ жары клонило сильно ко сну, и порядочно спали.

«Кандидатъ» и въ чужомъ аулѣ чувствовалъ себя по обыкновенію хозяиномъ; послѣ чая и ѣды, собравшись спать и снявъ обувь, онъ обратился къ находившемуся въ кибиткѣ киргизенку со словами! «эй, бала, кель манда!» (малый, подойди сюда), показалъ ему на свои ноги и велѣлъ чесать ихъ. Малый безпрекословно подошелъ и началъ тереть и жать ноги кандидата, который, закрывши глаза, вкушалъ удовольствіе и не оставлялъ при этомъ руководить малаго. Когда я невольно засмѣялся отъ такой неожиданности, кандидатъ, открывши глаза, полукосо и какъ бы недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

Жаръ палилъ, на воздухѣ было знойно, въ кибитѣ душно и темно; достаточно было выйти на 5 минутъ, чтобы почувствовать почти обжогъ на лицѣ и шеѣ; платье быстро нагрѣвалось; животныя, лошади, коровы, сбились отъ жары въ кучки, головами внутрь, и понуро стояли, обмахиваясь хвостами. Лишь къ вечеру купанье и чаепитіе облегчило жару.

Вечеромъ, когда въ кибиткѣ было уже темно, огня не зажигали и просвѣчивалъ лишь свѣтъ взшедшей луны, я и кандидатъ лежа разговаривали.

Своеобразная и крупная фізіономія «кандидата», Маштія занимала меня и невольно хотѣлось проникнуть во внутренній душевный строй его.

Видя, что Маштій, киргизъ 64 лѣтъ, безъ видимаго обремененія совершаетъ верхомъ довольно большое путешествіе, весель и нерѣдко смѣется, терпѣливо выжидаетъ времени нашего выѣзда изъ аула, я спросилъ его черезъ переводчика:

— Кандидатъ, бываетъ ли тебѣ когда нибудь скучно?

— Зачѣмъ скучно? — отвѣтилъ онъ, намъ скучно не бываетъ, у насъ вѣдь заботы есть, скота у меня много.

— А не бываетъ ли тебѣ тоскливо когда нибудь?

— Зачѣмъ тосковать? Слава Богу, скотъ у меня есть, чего же мнѣ больше?

— А если бы у тебя скота не было, тосковалъ ли бы тогда?

— Тогда тосковалъ бы.

— А если бы у тебя былъ скотъ, жена, а дѣтей не было, тосковалъ ли бы?

— Тосковалъ бы; какъ безъ дѣтей? когда дѣти есть, весело бываетъ жить и смотрѣть на нихъ.

— А если бы у тебя былъ скотъ, были дѣти, а не было бы жены, тосковалъ ли бы ты?

— Нѣтъ не тосковалъ бы, — коротко отвѣтилъ онъ, — зачѣмъ мнѣ баба, если она дѣтей не рождаетъ? Такую бабу мнѣ даромъ не надо.

По поводу его преклонныхъ лѣтъ я спросилъ Маштія:

— А скоро ли собираешься умирать, кандидатъ?

— Помру, когда Богъ смерть пошлетъ; когда помру, этого не знаю.

— Страшно помирать?

— Страшно, какъ не страшно, не знаешь, куда попадешь.

— Часто ты думаешь о смерти?

— Старый человѣкъ только и думаетъ о смерти, и днемъ и ночью думаетъ о ней. Что ты спрашиваешь меня, когда я помру? развѣ русскіе знаютъ, когда придется помирать? Развѣ не Богъ посылаетъ смерть, когда захочетъ?

— И они не знаютъ, когда смерть придетъ, отвѣтилъ я, въ нашихъ книгахъ прямо сказано, чтобы мы бодрствовали постоянно, потому что неизвѣстно, когда Богъ придетъ и пошлетъ смерть?

— Друзь (т. е. вѣрно), отвѣтилъ мнѣ кандидатъ. Послѣдовало продолжительное молчаніе. Мы по прежнему лежали и каждый думали свое. Въ дверь и сквозь кибиточныя рѣшетки виднѣлись поле и горы, освѣщенныя прозрачнымъ свѣтомъ луны.

— Вотъ русскіе, неожиданно прервалъ молчаніе кандидатъ, — такой умный народъ, такъ много сдѣлали всякихъ изобрѣтеній, улучшеній, такъ хорошо живутъ, а что же до сихъ поръ не признали пророка Магомета?

Подобное заключеніе предыдущаго разговора было такъ неожиданно и своеобразно, что я засмѣялся и только послѣ этого отвѣтилъ:

— Зная раньше христіанство, нельзя принять магометанство.

Вопросъ моего собесѣдника весьма характеристиченъ и показываетъ, въ какой степени успѣло вкорениться въ киргизахъ магометанство. Впрочемъ, это — невозмутимость невѣдующихъ, а не то фанатичное, слѣпое упорство, съ какимъ отстаиваютъ и проповѣдуютъ свою религію татары.

Такая увѣренность въ превосходствѣ своей религіи у киргизъ — дѣло татарской пропаганды.

— Магометъ послѣдній пророкъ и Богъ сказалъ съ нимъ свою послѣднюю волю, какъ его не признаете? тономъ, не допускающимъ возраженія, сказалъ «кандидатъ», хотя онъ былъ совершенно неграмотный киргизъ; послѣ этого повернулся на бокъ и заснулъ.

Ни сомнѣній, ни терзаній, ни скуки жизни, — все было уравновѣшено въ этой могучей, рожденной властвовать и повелѣвать, натурѣ.

Мнѣ тогда же рассказывали, какъ однажды Маштій прекратилъ ссору между нѣсколькими волостями изъ-за земли: спорившіе раздѣлились на два лагеря и готовы были перейти въ междоусобіе; помощникъ уѣзднаго начальника ничего не могъ сдѣлать и обратился къ Маштію, славившемуся искусствомъ разрѣшать споры. Маштій явился къ собранию спорившихъ, разспросилъ, въ чемъ дѣло, и быстро сообразивъ, началъ такую рѣчь: на той сторонѣ, которая не соглашается на уступки, коноводы тѣ-то и тѣ-то; одинъ изъ нихъ сынъ такого-то киргиза, посланнаго за убійство въ Сибирь, у другого отецъ сидѣлъ въ острогѣ за воровство, отецъ третьяго уличенъ въ мошенничество; поэтому предлагаю составить протоколъ, что они смущаютъ больше всѣхъ народъ и и что они дѣти такихъ-то, и представить начальству».

Толпа, а особенно тѣ, родословную которыхъ «кандидатъ» разоблачилъ, какъ только услышали такое предложеніе, немедленно же закричалъ «нѣтъ, не надо протокола», и согласились на всѣ уступки; когда Маштій нѣкоторое время настаивалъ на своемъ, изблеченныя

имъ лица даже плакали, прося его отказаться отъ протокола; такъ Маштій уладилъ дѣло къ удовольствію властей.

У рѣчки Кунджду мы были привлечены большимъ собраніемъ киргизъ, по другую сторону Мугоджаръ ожидались поминки (такъ наз ась) по богатомъ киргизѣ Иргискаго уѣзда.

«Кандидатъ» хотѣлъ было проститься здѣсь со мною, такъ какъ онъ исполнилъ приказаніе Темирскаго уѣзнаго начальника, доставилъ меня до горы Айрыкъ, и я заплатилъ ему уже за труды и далъ свою карточку на память; но кандидатъ передумалъ, сказалъ, что скоро ему разставаться со мною, что хочетъ передать меня въ надежныя руки, и поѣхалъ на поминки, хотя стѣснялся своей дорожной, а не праздничной одеждой.

Мы переѣзжали Мугоджарскія горы, и навстрѣчу намъ попадались красивыя, горныя вечернія картины.

Послѣ двухъ, трехъ часовъ ѣзды мы перевалили горы и спрашивали во встрѣчныхъ аулахъ, гдѣ мѣсто поминокъ. Намъ указали, и поѣздъ нашъ понесся еще скорѣе, чтобы съ шикомъ подъѣхать къ мѣсту, гдѣ мы должны были встрѣтить множество киргизъ.

Мы подкатили къ кибиткѣ на небольшой горѣ; кругомъ тѣснилось много конныхъ киргизъ, и у входа я поздоровался съ двумя высокими, съ длинными бородами, пожилыми киргизами, богато одѣтыми,—это были распорядители поминокъ.

Съ пригорка вокругъ раскрывалось весьма красивое зрѣлище: въ долину полукругомъ были поставлены до 125 кибитокъ, на берегу протекавшей рѣчки ярко свѣтились въ наступившей полутемнотѣ болѣе 30 костровъ, на которыхъ варились кушанья; все пространство было оживлено народомъ и стадами. Собралось киргизъ до 2000 человекъ.

Для насъ, какъ почетныхъ гостей, устроили вечернее угощеніе; пришелъ и распорядитель поминокъ—богатый киргизъ Чуланъ Карагуловъ.

Начались по обычаю оживленные разговоры и часто обращались съ фразами къ „капдидату“, но послѣдній держалъ себя въ этотъ разъ необычно: онъ былъ серьезенъ, отвѣчалъ солидно, видно было, что стѣснялся своей простой одежды, тогда какъ онъ такой уважаемый киргизъ и располагаетъ достаткомъ.

Спустя нѣкоторое время, распорядитель Чуланъ Карагуловъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „вотъ этотъ Маштій—почтенный человекъ, у насъ прежде бывали батыри, которыхъ зналъ и уважалъ весь народъ и которые большія дѣла совершали;—и онъ былъ бы у насъ батырь, если бы не русскіе „владѣли нами“.

— Вѣрно, вѣрно, подтвердили эти слова всѣ присутствовавшіе и хвалили Маштія.

Послѣдній оставался скромнѣе, какъ подобаетъ истинному величію.

Ему и на этихъ поминкахъ выпалъ случай доказать свое искусство примирять враждующихъ.

Когда мы послѣ этого лежали въ кибиткѣ и вели разговоры, спасаясь отъ жары (въ числѣ гостей были писарь Усылъ-Каринской волости Актюбинскаго уѣзда и одинъ обрусѣвшій кирзисъ), вдругъ послышались крики среди кибитокъ; мы подпрыгнули и пошли смотрѣть, въ чемъ дѣло; говорили, что случилась драка среди киргизъ и дѣйствительно, съ высоты холма мы увидѣли въ центрѣ кибитокъ большую толпу конныхъ киргизъ; въ большомъ смятеніи двигавшуюся туда и изъ сюда. Произошла ссора между наѣхавшими гостями, какъ рассказывали, изъ-за чашки мяса.

Два киргиза заспорили изъ-за чашки и подрались, за каждого изъ нихъ вступились родственники, а за тѣмъ и дальнѣйшіе родичи; вначалѣ киргизы дрались нагайками, а когда мы стали смотрѣть съ высоты холма, они раздѣлились на три партіи и, какъ бы приготовляясь къ сраженію, разѣхались въ разныя стороны; зрѣлище было эффектное; одна сторона хлынула вонъ изъ круга кибитокъ на тотъ холмъ, гдѣ мы стояли и азартно стала тараторить между собою; но вотъ послышались голоса, требовавшіе въ третейскіе судьи моего проводника, моего «кандидата».

Маштій съ самодовольной усмѣшкой сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ центръ кибитокъ; за нимъ тронулась вся партія киргизъ, выѣхавшихъ на холмъ.

Маштій скрылся въ толпѣ киргизъ и долгое время не возвращался.

По состоянію картины, по ослабленію возбужденія можно было предполагать, что драки не будетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени возвратился Маштій и говорилъ, что примирилъ спорившихъ, хотя другіе почему то отрицали его заслугу въ данномъ случаѣ, рассказывали, что киргизы сами собою примирились, когда сосчитавъ численность партій, увидѣли, что онѣ почти равны и что игра свѣчь не стоитъ: никто изъ нихъ не взялъ бы верха и поэтому не стоило начинать драки. Возбужденіе опало, и киргизы разсѣялись по кибиткамъ продолжать угощаться. Тѣмъ не менѣе кандидатъ и здѣсь явился третейскимъ судьей.

Говорятъ, что подобныя схватки случаются нерѣдко среди дикихъ киргизъ разныхъ волостей и оканчиваются нерѣдко убійствами.

Разстался я съ „кандидатомъ» на третій день поминокъ рано утромъ; задолго до разсвѣта разбудилъ онъ меня и сообщилъ, что уѣзжаетъ.

Еще наканунѣ онъ былъ скученъ, продолжительное путешествіе верхомъ на лошади и разлука съ своимъ ауломъ утомили этого батыря по рожденію и побуждали стремиться назадъ; при лучахъ ранняго разсвѣта сердечно простились мы съ нимъ и обѣщали помнить другъ друга; съ просьбой написать уѣздному начальнику о томъ, какъ провожалъ онъ меня, скрылся изъ моихъ глазъ этотъ батырь, который въ другое время предводительствовалъ бы народными полчищами и былъ бы воспѣтъ въ поэмахъ, а теперь безпрекословно, какъ нижній полицейскій чинъ, исполнялъ велѣнія русскаго уѣзднаго начальника, подъ часть, можетъ быть, прихотливья.

XIV. Народное здравіе.

Теперь скажу нѣсколько словъ о народномъ здравіи. Киргизы вообще народъ здоровый, и болѣзни не распространены среди нихъ. Есть только болѣзни, обусловливаемыя ихъ бытомъ, а именно: лихорадка, чесотка и отчасти сифились.

Лихорадкой киргизы хвораютъ иногда массами, какъ я убѣдился въ этомъ самъ; распространеніе лихорадки зависитъ отъ рѣзкихъ колебаній климата весной и осенью, когда послѣ дневнаго жара наступаютъ очень холодныя ночи, также отъ кочеваній въ болотистыхъ мѣстахъ, такъ какъ болотныя озера попадаютъ въ области нерѣдко, и отъ другихъ причинъ; отъ рѣдкаго обмыванія тѣла киргизы весьма страдаютъ чесоткой, отъ которой они не знаютъ иногда куда дѣваться; киргизы, живущіе вблизи русскихъ поселеній, менѣе страдаютъ этой болѣзью, потому что знаютъ, что лучшее средство отъ нея — горячая и частая баня. Хотя киргизы по могометанскому обычаю и дѣлаютъ 5 разъ въ день омовенія, но эти омовенія холодной водой ни къ чему не ведутъ.

Въ слѣдствіе сосѣдства съ русскими селеніями и значительной свободы поведенія киргизской женщины у киргизъ встрѣчается и сифились, къ тому же молодые мужья считаютъ за удалство хвастаться невѣрностью передъ женами.

Имѣя высокія представленія о русскихъ, киргизы отъ каждаго проѣзжающаго ждуть вообще всякаго рода объясненій, а также и меди-

цинской помощи, признавая въ русскомъ соединеніе всякихъ специальностей; и русскій, если не удовлетворить ихъ ожиданій, рискуетъ пасть въ ихъ мнѣніи; поэтому можно рекомендовать всякому собирающемуся ѣхать къ киргизамъ и вообще инородцамъ запастись главными медикаментами противъ общераспространенныхъ болѣзней; и сдѣлавъ это, онъ не будетъ раскаиваться, потому что не разъ удастся оказать этимъ бѣднымъ инородцамъ дѣйствительную помощь; киргизы если что и просятъ отъ русскаго, такъ это именно—лѣкарствъ (дарѣ).

Тургайская администрація уже озаботилась устройствомъ фельдшерскихъ пунктовъ въ степи, которые, встрѣтивъ сначала противодѣйствіе, теперь прочно привились, и какъ въ началѣ киргизы упорно отказывались прививать оспу, такъ теперь толпами приходятъ за этимъ къ фельдшерскимъ пунктамъ, представляющимъ изъ себя ту же кибитку киргизскую и кочующимъ вмѣстѣ съ ауломъ.

Но у киргизъ существовали издавна и существуютъ собственные лѣкари-знахари, изъ которыхъ одни лѣчатъ обыкновенными средствами, другіе — съ помощью призванія духовъ; эти послѣдніе лѣкари называются баксы и представляетъ такое любопытное явленіе въ киргизской жизни, что о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

XV. Бансы.

Баксы-кудесники, волхвующіе по стариннымъ языческимъ обычаямъ.

Это — тѣ же шаманы нашихъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ: остяковъ, домановъ, юраковъ и самоѣдовъ, какъ извѣстно, обладающіе даромъ непосредственнаго общенія съ духами.

Они гадаютъ, лѣчатъ, ухаживаютъ за сумасшедшими и производятъ различныя чудеса; процвѣтали особенно раньше, когда не было докторовъ.

Много необыкновенныхъ и почти сказочныхъ разсказовъ существуетъ о нихъ, между прочимъ, и въ литературѣ о киргизахъ, но я передамъ только тѣ изъ нихъ, которые пришлось самому слышать на мѣстѣ.

Чтобы производить чудеса, баксы должны привести себя въ возбужденіе, ради чего онъ играетъ на кобызѣ, двухструнномъ, смычковомъ инструментѣ (о немъ я буду говорить далѣе) и постепенно болѣе и болѣе оживляется; при этомъ онъ пѣніемъ призываетъ на помощь пророка и всѣхъ святыхъ.

Здѣсь мы видимъ смѣшеніе двухъ вліяній: съ одной стороны баксы — явленіе языческаго быта, съ другой стороны они подѣ вліяніемъ мусульманства призываютъ пророка и святыхъ.

Когда онъ приходитъ въ неистовство, то можетъ гадать и волхвовать, лизать раскаленное желѣзо безъ вреда; можетъ будто бы вонзять въ свое тѣло ножъ и вынимать съ другой стороны, напр. воткнетъ въ одинъ бокъ, а вынетъ вмѣстѣ съ рукояткой изъ другого; но онъ и другихъ заставляетъ вбивать ножъ въ свою грудь; показавшуюся кровь онъ проглатываетъ; нѣкоторое время онъ ходитъ съ ножомъ въ груди, копецъ котораго виднѣется на спинѣ, затѣмъ вынимаетъ его; можетъ взбираться на самый верхъ кибитки и свѣситься оттуда внизъ головой, держась только пальцемъ ноги; иногда возьметъ опояшется одинъ разъ веревкой и концы ея даетъ тянуть изъ всѣхъ силъ нѣсколькимъ человѣкамъ; эти послѣдніе затянутъ такъ сильно, что талія кудесника дѣлается не толще кисти руки, а баксѣ ничего не дѣлается, или раскалять до красна желѣзную плиту и онъ станетъ на нее босыми ногами, ногизашипять подѣ нимъ, точно жарятся, а баксѣ ничего не дѣлается.

Однажды въ присутствіи киргизскаго уѣзднаго начальника баксы воткнулъ себѣ въ ротъ ножъ, такъ что конецъ его былъ виденъ съ другой стороны, на шеѣ; полилась въ небольшомъ количествѣ кровь, народъ (русскіе), особенно женщины, въ страхѣ разбѣжались; уѣздный начальникъ, давши 15 руб., приказалъ ему прекратить зрѣлище; тогда баксы вынулъ ножъ обратно; въ подобныхъ случаяхъ у баксы кровь течетъ слегка, и стоитъ ему только вытереть рукой мѣсто, откуда течетъ кровь, какъ она приостанавливается.

Баксы все время остается въ разсудкѣ и отвѣчаетъ на всѣ вопросы постороннихъ; въ возбужденномъ состояніи онъ рассказываетъ въ подробностяхъ ходъ болѣзни, отчего она, какое будетъ ея теченіе, какъ кончится, излѣчима она или нѣтъ, какія средства надо употреблять и т. п., иногда самъ даетъ средства.

Въ такомъ состояніи глаза баксы дѣлаются страшными и смотрять такъ пронзительно, что нельзя вынести ихъ взгляда и хочется смотрѣть въ сторону.

Иногда баксы заговариваетъ самый кобызь и заставляетъ его стоять прямо, на доскѣ, хотя форма кобыза (его кузовъ) не позволяетъ этого.

Былъ будто бы случай, когда баксы очаровалъ присутствовавшихъ и заставилъ ихъ видѣть въ срединѣ себя озеро, въ которомъ плавали золотыя рыбки; баксы велѣлъ каждому поймать по рыбкѣ; когда они поймали, озеро и рыбки пропали, а въ рукахъ присутствовавшихъ оказалась зола.

Откуда такія чудодѣйственныя силы у баксы́, киргизы объясняютъ тѣмъ, что ему помогаеть печистая сила, дѣволъ (джинъ-бѣсъ или шайтанъ-сатана), большею частью такъ называемый акъ шайтанъ (бѣлый сатана); есть и карá-шайтанъ (черный сатана), но этотъ шайтанъ не помогаетъ.

Чтобы быть баксъ, необходимо, по ихъ словамъ, чтобы въ чело-вѣка вселилось 1000 духовъ (джиновъ). Ипогда баксы явно шарлатаняты и насилуютъ женщинъ во время лѣченія.

Число баксы сократилось въ настоящее время: съ одной стороны законъ запрещаетъ заниматься шаманствомъ со времени изданія новаго степнаго положенія для киргизъ 1868 г., и появившіеся въ степи доктора особенно возстаютъ противъ баксъ; съ другой стороны муллы проповѣдуютъ, что шаригать (духовный законъ мусульманъ) запрещаетъ гадать, и прямо говорятъ, что грѣшно обращаться къ баксамъ за помощью, и киргизы эти гаданія и чудеса баксъ считаютъ за грѣхъ: Богъ де запрещаетъ узнавать будущее, будущее знали только пророки, которыхъ больше нѣтъ и не будетъ, остальнымъ людямъ знать будущее не слѣдуетъ, поэтому если баксы́ предсказываютъ будущее, то это съ помощью нечистой силы.

Теперь баксы́ проживаютъ гдѣ нибудь вдали отъ властей и тайно занимаются своимъ искусствомъ. Это тѣ же наши волхвы, гадалщики и т. п. Имъ не вѣрятъ теперь и сами старики киргизы и гоняютъ ихъ изъ своихъ ауловъ: законъ не велитъ, шаригать запрещаетъ.

Въ Бистамакской волости Актюбинскаго уѣзда Тургайской области, въ 1882 г. одинъ баксы́ подвергся поруганію и всеобщему осмѣянію.

Одинъ киргизъ, не вѣря баксъ и желая испытать его, притворился больнымъ, велѣлъ женѣ постелить себѣ въ кибиткѣ постель какъ больному, заохалъ, застоналъ, поставилъ около себя чашки съ водою, какъ бы для утоленія жажды и велѣлъ женѣ позвать баксы́. Баксы́, молодой киргизъ, красивый изъ себя, пришелъ, сталъ играть на кобызѣ и, придя въ возбужденное состояніе, приступилъ къ осмотру больного: началъ ощупывать ему руки, гдѣ пульсъ, икры ногъ, бока и др. части тѣла, ощупывалъ и педоумѣніе не сходило съ его лица: — «что это, какъ будто у тебя нѣтъ никакой болѣзни?» сдѣлалъ вопросъ баксы́; больной заохалъ еще сильнѣе, баксы́ опять сталъ его осматривать и опять сказать: «никакой болѣзни въ тебѣ нѣтъ», больной продолжалъ охать; тогда баксы́ еще поигралъ на кобызѣ и объявилъ: «нѣтъ, маленькая болѣзнь въ немъ есть, надо его полѣчить;» только лишь онъ принялся за лѣченіе, какъ мнимый больной вскочилъ и, закричавъ баксъ: «обманщикъ»,

началь жестоко бить его ногойкой (камчѣ), толкая вонь изъ кибитки, самый кобызь его схватилъ и изломалъ въ кусочки; поруганный баксы съ тѣхъ поръ такъ и пропалъ куда-то.

Много говорилъ народъ по этому случаю и смѣялся.

Такъ слабѣтъ въ немъ вѣра въ силу баксы.

Многое изъ того, что рассказываютъ о баксахъ, кажется маловѣроятнымъ, но лица, передававшія мнѣ, увѣряли рѣшительно, что всѣ эти рассказы дѣйствительность; въ числѣ этихъ лицъ были русскіе, заслуживавшіе довѣрія, въ томъ числѣ, напр. уѣздный начальникъ. Несомнѣнно, что здѣсь имѣютъ мѣсто разнаго рода мало изслѣдованные способы психическаго воздѣйствія и изслѣдовать послѣдніе, насколько они присущи баксамъ, было бы интересной задачей.

Я очень хотѣлъ увидѣться съ баксы, но это мнѣ не удавалось, такъ какъ ихъ теперь уже мало; я былъ радъ, когда пашель и купилъ музыкальный инструментъ баксы — кобызь; а черезъ нѣсколько времени доѣхалъ было до самаго баксы (былъ въ 25 верстахъ отъ него и просилъ волостнаго управителя привести мнѣ его, по посланный черезъ сутки возвратился отъ баксы съ отвѣтомъ, что во-первыхъ, у него нѣтъ лошади, чтобы ѣхать, а потомъ, что «уже давно всѣ нечистыя силы удрали отъ него». Онъ, вѣроятно, боялся русскаго и какого-нибудь преслѣдованія и поэтому уклонился ѣхать.

Въ числѣ представленныхъ мною здѣсь фотографій есть два снимка какъ съ самаго баксы, такъ со сцены лѣченія.

XVI. Русская просвѣтительная дѣятельность въ степи.

Большая даровитость киргизъ и способность къ культурнымъ воспріятіямъ доказываются также замѣчательными успѣхами русскаго образованія среди киргизъ, о чемъ стоитъ здѣсь упомянуть.

Русскія просвѣтительныя вліянія въ киргизской степи распространяются двоякимъ путемъ: путемъ дѣятельности миссіи и путемъ организаціи школь.

Православный миссіонерскій станъ въ Тургайской области учрежденъ недавно въ 1892 г. въ г. Кустанаѣ и вызванъ живою потребностью.

Русскіе переселенцы, все болѣе проникая въ киргизскія аулы и будучи обременены нуждою, попадали въ большую экономическую зависимость къ киргизамъ богачамъ и вмѣстѣ съ этимъ стали подвергаться и вліянію среды и мусульманства; забывали свои обычаи и даже вѣру, становились чуть не мусульманами.

Между тѣмъ въ стени уже съ прошлаго столѣтія ведется сильная татарско-магометанская пропаганда благодаря ошибкѣ русскаго правительства, допустившаго распространять исламъ среди киргизъ. Въ настоящее время эта пропаганда оказалась огромной помѣхой для русскаго культурнаго дѣла, и администраціи самымъ серьезнымъ образомъ приходится считаться съ нею, а муллы и учителя открываютъ всюду подвижныя дешевыя школы, такъ называемыя мектебѣ, путемъ которыхъ успѣшно утверждаютъ мусульманскую грамотность.

Ихъ пропаганда не оставила безъ вниманія и русскихъ поселенцевъ и тогда власти увидѣли необходимость имѣть на мѣстѣ миссіонера, который объѣзжалъ бы русскія семейства, въ одиночку разсѣянные по ауламъ и утверждалъ ихъ въ правилахъ вѣры и русскихъ обычаяхъ. Въ лицѣ миссіонера свящ. о. Соколова кустанайскій станъ съ успѣхомъ исполнялъ свое назначеніе и уже насчитываетъ до 50 чел. крещеныхъ имъ киргизъ.

Проповѣдь ведется, конечно, путемъ лишь убѣжденія и въ духѣ кротости и братства къ инородцамъ, причемъ русскимъ поселенцамъ внушается чтобы они жили съ киргизами мирно, честно и въ любви, сами вели хорошій образъ жизни и чтобы черезъ нихъ свяtilось имя Божіе въ стени.

Здѣсь высказываются тѣ начала, благодаря которымъ русская инородческая политика всегда имѣла успѣхъ, — начала терпимости, равенства, снисхожденія къ инородцамъ, которыя были высказаны еще въ Соборномъ Уложеніи Алексѣя Михайловича 1679 г. и не разъ повторялись въ царскихъ и императорскихъ указахъ воеводамъ и губернаторамъ; если прослѣдить исторію распространенія нашихъ владѣній въ Средней Азіи, то окажется, что русское правительство постоянно держалось умѣренности, терпѣнія и снисхожденія къ инородцамъ и этимъ способомъ пріобрѣтало себѣ симпатіи народовъ, и сила вещей сама собою переходила въ руки русскихъ.

Весною 1896 г. изъ Семипалатинской или Акмолинской области бѣжали въ Китайскіе предѣлы нѣсколько сотъ кибитокъ киргизъ; по этому поводу другіе киргизы разсуждали: «Глупые наши киргизы, что бѣгутъ въ Китай. По нашей пословицѣ—народъ русскій это ременная узда (т. е. мягкій), а народъ китайскій—желѣзная узда (т. е. твердый). У насъ всякое дѣло сначала разберуть, а потомъ только накажутъ; а у китайцевъ безъ всякаго суда снимуть голову». («Правосл. Благовѣстникъ» 1896 г. № 9, май).

Сказанныя начала глубоко отличали нашу политику отъ англійской: проф. Красновъ изъ своего послѣдняго путешествія разсказывалъ, что въ

Индии за то, что онъ просто по человѣчески обращался съ Индусомъ, своимъ проводникомъ и однажды посадилъ его вмѣстѣ съ собою въ экипажъ, англійскіе семейные дома закрыли для него входъ къ себѣ.

Если въ нашей инородческой политикѣ были ошибки и замѣшательства, то виновны въ этомъ оказывались чаще мѣстные администраторы, а не основная наша политика.

Еще успѣшнѣе русское просвѣщеніе усваивается киргизами школьнымъ путемъ. Въ Оренбургѣ въ 1896 г. напечатана книга г. Васильева «Историч. очеркъ русск. образов. въ Тургайск. обл.», въ обстоятельномъ изложеніи сообщающая весьма интересные свѣдѣнія объ успѣхахъ русскаго образованія въ степи.

На призывы русскихъ къ образованію киргизы отзывались щедрыми пожертвованіями въ сотняхъ тысячъ какъ на начальное, такъ и на среднее образованіе, и можно сказать, что образованіе Оренбургскаго края создано въ значительной степени на деньги киргизъ, что тѣмъ замѣчательнѣе, что другіе инородцы, напр., татары, упорно уклоняются отъ русскаго образованія, а башкиры никогда не выказывали подобной готовности на пожертвованія.

Русскимъ просвѣтительнымъ усиліемъ въ киргизской степи почти съ самаго начала пришлось вступить въ борьбу съ татарской мусульманской пропагандой.

Татары еще со второй половины прошлаго столѣтія разсѣялись по киргизской степи въ качествѣ муллъ и торговцевъ и начали дѣятельную пропаганду мусульманства среди киргизъ. Правительство не препятствовало этой пропагандѣ, что было крупною ошибкою его: киргизская степь на долго была упущена для христіанской проповѣди, которая имѣла бы несомнѣнный успѣхъ среди киргизъ-язычниковъ; вмѣсто того среди нихъ укоренилось магометанство, съ которымъ теперь серьезно приходится считаться и бороться русскому правительству какъ не только съ религіозной, но даже и политической силой.

Уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія признано было однимъ изъ самыхъ существенныхъ средствъ борьбы противъ мусульманства и укрѣпленія русскаго вліянія—распространеніе русскаго образованія въ степи.

Первымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое былъ открытъ доступъ для киргизъ, является Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, открытый въ 1825 г.

Въ 1847 г. открыта была въ Оренбургѣ фельдшерская школа, но ей не посчастливилось на первыхъ же порахъ: двое изъ поступившихъ въ школу киргизятъ заболѣли и умерли: одинъ—черезъ три, другой че-

резь 4 мѣсяца. Вѣсть о смерти ихъ быстро разнеслась по степи и была причиною того, что не только не являлось новыхъ охотниковъ поступить въ школу, но и поступившіе уже было въ нее, выбыли то по болѣзни, то по семейнымъ обстоятельствамъ. Это было первымъ доказательствомъ малой пригодности для киргизъ городскихъ школъ съ чуждой и душной для вольнаго степняка обстановкой.

Первымъ заведеніемъ, открытымъ спеціально для киргизъ, была школа для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Коммисіи (съ 1850 г.). Въ исторіи этой школы поразительно то, что сама русская администрація считала возможнымъ допустить татарско-мусульманскія основы воспитанія и обученія киргизскихъ дѣтей.

Во главѣ школы въ первое время ея существованія былъ поставленъ татаринъ и въ русской школѣ введено было преподаваніе для киргизъ татарскаго языка.

При такомъ взглядѣ на дѣло, мулла какъ мусульманскій вѣручитель, имѣлъ громадное вліяніе на киргизскихъ дѣтей.

Лишь съ 1879 года начинается замѣтное уллучшеніе школьнаго дѣла въ области.

Въ 1877—78 годахъ Окружный Инспекторъ инородческихъ школъ Катаринскій осмотрѣвъ школы области, нашель и доносилъ пачальству, что въ нихъ происходило ученіе татарско-магометанское подь руководствомъ татарскихъ муллъ, или, что то же, въ нихъ открыты медресе.

Администрація пришла наконецъ, къ сознанію, что инородческое образованіе должно быть основано на русскихъ началахъ. Выразителемъ этого новаго направленія явился Н. Н. Ильминскій, который еще въ началѣ 70-хъ годовъ изложилъ свой планъ инородческаго образованія.

По мнѣнію Ильинскаго, противъ сильно распространеннейшей среди киргизъ татарско-мусульманской культуры можно дѣйствовать лишь образованіемъ, единообразнымъ и единомушнымъ, — путемъ открытія школъ въ укрѣпленіяхъ и аулахъ и обученія въ нихъ дѣтей, по книгамъ приспособленнымъ къ ихъ пониманію, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ.

Въ школѣ долженъ и въ преподаваніи и даже въ разговорѣ господствовать языкъ киргизскій, а русскій языкъ долженъ быть предметомъ изучаемымъ; главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣеть второстепенное, хотя важное значеніе.

Въ духѣ взглядовъ, высказанныхъ Н. Н. Ильминскимъ, и была основана въ 1882 году киргизская учительская школа въ гор. Орскѣ,

которая затѣмъ въ 1889 году была переведена въ Оренбургъ и до настоящаго времени снабжаетъ начальными учителями киргизскую степь.

Интересно участіе киргизъ въ исторіи Оренбургской гимназіи: когда возникла мысль объ учрежденіи въ Оренбургѣ гимназіи, было признано справедливымъ обратиться за пожертвованіями и къ киргизамъ наравнѣ съ прочими жителями Оренбургскаго края. Быстро облетѣла по степи вѣсть о сборѣ пожертвованій на гимназію и вызвала въ киргизахъ живое сочувствіе. Сама областная администрація не предполагала такого обильнаго притока пожертвованій; поступленіе ихъ превысило ожидаемую сумму почти въ три раза.

Къ половинѣ 1867 года, за годъ до открытія гимназіи оказалось, что общая сумма пожертвованій равнялась 55,936 руб. 78 $\frac{1}{4}$ коп., тогда какъ помещеніе для гимназіи исчислено было всего въ тысячъ. Сбранной суммой, какъ взноса со стороны киргизъ, не было достаточно для устройства гимназіи, но генераль-губернаторъ призналъ возможнымъ отдѣлить изъ нея 25 тысячъ на устройство въ Оренбургѣ женской гимназіи, въ которой могли бы получать образованіе и дочери киргизъ. Такимъ образомъ Оренбургскія мужская и женская гимназіи почти всецѣло воздвигнуты на киргизскія средства при чемъ сами киргизы сравнительно мало пользуются этими заведеніями: такъ за время съ 1869 по 1891 года мужской гимназіи учились 50 человекъ киргизъ, изъ которыхъ 6 человекъ кончили полный курсъ, а въ женскую гимназію до настоящаго времени не поступало ни одной киргизской дѣвочки.

Также и Троицкая гимназія въ Оренбургской губерніи воздвигнута при значительномъ содѣйствіи киргизъ.

Кстати два слова объ университетскомъ и гимназическомъ образованіи киргизъ. То обстоятельство, что за время съ 1869 по 1891 годъ изъ 50 человекъ киргизъ, обучавшихся въ Оренбургской мужской гимназіи, кончило курсъ только 6 человекъ, а изъ всѣхъ киргизъ не только Тургайской, но и другихъ областей, обучавшихся въ университетахъ съ 1877 г. по 1891 годъ окончило курсъ лишь 6 человекъ и затѣмъ большинство сдѣлались чиновниками даже внѣ киргизскихъ предѣловъ, какъ это видно изъ таблицы въ разсматриваемой книгѣ (стр. 144)—это обстоятельство указываетъ на не пригодность гимназическаго и университетскаго образованія для киргизъ; образовывая инородцевъ, мы должны имѣть цѣлью, чтобы они, получивъ образованіе, сдѣлались полезными дѣятелями и просвѣтителями среди своего же племени, а не то, чтобы превращались въ русскихъ чиновниковъ, которыхъ у насъ и безъ того много.

Вообще тотъ типъ интеллигента, который вырабатываютъ наши учебныя заведенія, мало пригоденъ къ условіямъ киргизской среды, и поэтому многіе сожальютъ о прежней школѣ для киргизскихъ дѣтей, закрытой со времени основанія Оренбургской гимназіи, которая во многихъ отношеніяхъ была приспособлена къ потребностямъ киргизской жизни.

XVII. Аульныя школы.

Въ исторіи русскаго образованія въ Тургайской области слѣдуетъ отмѣтить какъ самое важное явленіе организацію совершенно новаго типа школъ—аульныхъ подвижныхъ школъ, крайне отвѣчающихъ условіямъ кочевого быта. Мотивами къ созданію этого типа школъ были слѣдующія обстоятельства: 1) Сознаніе дороговизны прежнихъ школъ при уменьшившихся средствахъ на образованіе; 2) неудобство для кочеваго быта школъ, приуроченныхъ къ одному пункту, въ силу чего киргизскія дѣти плохо привыкали къ неподходящимъ для нихъ условіямъ обученія; 3) большая распространенность въ степи татарскихъ не затѣйливыхъ школъ—мектебе, преимущество которыхъ было въ ихъ неприскрѣпленности къ одному мѣсту.

Эти туземныя школы—мектебе и послужили первообразомъ для подвижныхъ аульныхъ школъ.

Стоимость ежегоднаго содержанія такой школы исчислено въ 324 руб.

Аульныя школы быстро привились къ киргизскому быту; къ 1 января 1896 года ихъ числилось до 35, а въ теченіи настоящаго года составленъ рядъ приговоровъ сельскихъ обществъ объ открытіи новыхъ школъ.

Аульная школа представляетъ весьма любопытное зрѣлище. Внѣшне представляя ту же кибитку, какъ и другія жилища киргизъ, она и внутри имѣетъ оригинальное устройство: посреди нея стоятъ одинъ или два длинныхъ низкихъ деревянныхъ стола, похожихъ на широкія скамейки; кругомъ разостланы ковры, на которыхъ около стола размѣщаются киргизскія дѣти во время ученія, опустившись на колѣни и откинувшись корпусомъ на пятки; книги лежатъ на столѣ; когда учитель-киргизъ изъ окончившихъ курсъ Оренбургской киргизской учительской школы вызываетъ ученика, послѣдній поднимается съ пятокъ, но остается на колѣняхъ и въ такомъ видѣ отвѣчаетъ; школьники не носятъ тюбетеекъ и отпускаютъ себѣ волосы, это первое отличіе инородца-ученика русской школы.

Для посторонняго посѣтителя бросается въ глаза вниманіе и усидчивость, съ какими занимаются киргизята въ аульныхъ школахъ даже лѣтомъ; естественная дисциплина въ школахъ царитъ сама собою, безъ усилій со стороны учителя; учащіеся отвѣчаютъ толково, а нѣкоторые уже правильно читаютъ по русски.

Желаніе учиться у киргизскихъ дѣтей на столько велико, что даже лѣтомъ не тяготятся они заниматься, и прежніе случаи побѣговъ киргизскихъ дѣтей съ началомъ весны изъ городскихъ и вообще не подвижныхъ школъ надобно объяснять не ихъ нерасположеніемъ къ ученію, а не приспособленностью прежнихъ школъ къ киргизскимъ навыкамъ.

Когда школа была перенесена внутрь киргизской среды, киргизы обнаружили явную приверженность къ ученію, и случаи побѣговъ изъ школы уже не повторялись. Ученье лѣтомъ въ аульныхъ школахъ происходитъ, между прочимъ, потому, что каникулярными мѣсяцами припаты для этихъ школъ апрѣль и сентябрь, когда киргизы перебираются съ зимовокъ на кочевки и обратно, и вести ученье тогда не возможно.

Аульныя школы представили изъ себя явленіе на столько удачное, что обратили на себя вниманіе въ сосѣднихъ областяхъ: такъ степной генераль-губернаторъ фонъ-Таубе въ 1891 году просилъ военнаго губернатора Тургайской области сообщить ему подробныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ. О томъ же просилъ въ 1896 году и губернаторъ Акмолинской области.

Въ 1894 году Министерство Финансовъ возбудило вопросъ о введеніи аульныхъ школъ въ Уральской области въ виду дороговизны существующихъ тамъ школъ.

Можно съ большимъ вѣроятіемъ ожидать распространенія этого типа школъ вообще среди кочевыхъ народностей и предсказывать имъ большую будущность.

Такимъ образомъ Тургайская область въ отношеніи народнаго образованія занимаетъ передъ другими киргизскими областями передовое положеніе и нѣтъ ничего невѣроятнаго если въ недалекомъ будущемъ въ Тургайской области осуществится повсемѣстное обученіе.

XVIII. Заключение.

Отлагая сообщеніе о музыкѣ и пѣсняхъ киргизъ на вторую часть отчета, въ заключеніе позволяю себѣ изложить тѣ послѣднія впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ поѣздки въ степь, возвращаясь въ Оренбургъ въ іюль мѣсяцѣ.

Оставивъ киргизскую степь, я ѣхалъ послѣдніе 70 верстъ передъ Оренбургомъ русскими хуторами и нѣмецкими колоніями; на пространствѣ этихъ 70-ти верстъ въ теченіе одной ночи мнѣ пришлось видѣть и сравнить три культуры: культуру, если такъ можно сказать, — киргизскую, русскую и нѣмецкую.

Я выѣхалъ изъ послѣдней киргизской станціи подъ вечеръ. Дорога лежала среди слегка холмистой степи, среди свободныхъ еще, незанятыхъ полей; кругомъ былъ разлитъ живительный степной воздухъ; на западѣ горѣла ясная заря, а па другой сторонѣ небосклона уже показывалась луна; только звонъ колокольчика и оклики моего ямщика оглашали степное безмолвіе, да изрѣдка попадались подводы крестьянъ и казачковъ. Была теплая, ясная лунная ночь, когда мы около полуночи добрались до русскаго хутора на рѣчкѣ Донгузѣ.

Среди луннаго полумрака хуторъ казался мнѣ благоустроеннымъ, зажиточнымъ, и я думалъ отдохнуть часть ночи какъ слѣдуетъ. Вхожу въ избу: спертый воздухъ низенькіе потолки произвели первое впечатлѣніе. Сонныя мухи въ безчисленномъ количествѣ покрывали столъ, окна, образа и не беспокоились свѣтомъ лампы. Обитатели уже спали, и одинъ сынъ хозяина встрѣтилъ меня. Я попросилъ приготовить самоваръ. Пока онъ шумѣлъ и успѣлъ надымить въ избѣ, я разговаривалъ съ хозяиномъ:

— Откуда вы переселились?

— Изъ Тамбовской губерніи.

— Какъ вамъ живется на новыхъ земляхъ?

— Да ничево, только срокъ аренды кончается въ этомъ году, не знаемъ, оставить-ли насъ на мѣстѣ, хозяинъ земли.

— Есть ли у васъ грамотные?

— Да у насъ въ роду не было грамотныхъ.

— А что это у васъ такіе низкіе потолки? Вѣдь воздуха мало.

— Ничево, теплѣе когда ниже-то.

— Клопы, тараканы у васъ водятся?—спросилъ я, осматривая грязныя стѣны.

— Нѣтъ, эти нечисти не водятся, слава Богу.

Я успокоился, рассчитывая ночь провести спокойно. Послѣ чая я прилежъ на лавкѣ; кругомъ раздавалось сопѣніе спящихъ.

Но черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ такія сильныя и дружныя укусы, что понималъ, что отъ сна надо отказаться. Я обратился къ хозяину съ вопросомъ — какъ же ты говорилъ что нѣтъ насѣкомыхъ у васъ? А блохъ-то сколько?

— «Этого-то есть грѣхъ, водится, а чтобы клопы—этова нѣтъ», Богъ милостивъ».

Пробоваль было я сидя въ другомъ мѣстѣ подремать; но дремоту не разъ разгоняль отчаянный крикъ ребенка, съ которымъ мать возилась и не знала что дѣлать: то начинала убаюкивать, то шептать молитву «Господи Иисусе Христе, да что это приключилось съ тобой, голубчикъ мой маленькій? вотъ уже вторую недѣлю ты не даешь покою ни мнѣ, ни себѣ. Либо сглазиль тебя, либо чево»... Ребенокъ не внималь и продолжалъ кричать». Послѣ разспросовъ я убѣдился, что ребенокъ страдалъ диссентеріей, которая была нынѣшнимъ лѣтомъ въ русскихъ селеніяхъ въ степи. Ребенокъ утихъ было, временная тишина воцарилась въ избѣ. Неподалеку лежалъ парень. Вдругъ ребенокъ опять закричалъ, тѣже оханья и причитанія матери. Парень наконецъ, обратился къ ней: «Слушьяка», а отъ этого лѣчать.

— А, вотъ што,... а какъ лѣчать-то?

— Да такъ, бабы, сказывають, лѣчать,... мамынька моя знаетъ... подоломъ што-ли, накрывають...

Мать промучилась ночь, такъ же и я насилу дождался разсвѣта и радъ былъ поѣхать далѣе. Около шести часовъ утра я остановился въ нѣмецкой колоніи напиться чаю. Другія впечатлѣнія ждали меня. Дома высокіе, чистые, хотя сдѣланы изъ того же матеріала. Вхожу: семья сидитъ за чаемъ и слушаетъ чтеніе, оказывается одинъ изъ присутствовавшихъ читаль псаломъ. Спрашиваю: всѣ ли у васъ грамотны?

— Нѣтъ, только двое знаютъ по русски, отвѣтили мнѣ, я переспрашиваю: всѣ ли вы знаете нѣмецкую грамоту.

— А, нѣмецкую грамоту всѣ знаемъ.

— Земля собственная или наемная!

— Собственная.

Грустныя сравненія получались изъ всего видѣннаго за эту ночь; въ то время какъ у русскихъ на хуторѣ въ роду не было грамотныхъ, у нѣмцевъ всѣ образованы; жилища какъ и киргизъ такъ у русскихъ и нѣмцевъ построены изъ одинаковаго матеріала—землянаго кирпича, но какая разница: у киргиза землянка почти разваливается, съ трещинами, у русскихъ — хотя безъ трещинъ и теплая, но также кривая, косая и тѣсная, у нѣмцевъ же настоящія высокія, чистый и свѣтлый домъ; здѣсь же по близости построено прекрасное помѣщеніе для школы. Какъ различно можно пользоваться однимъ и тѣмъ же матеріаломъ.

Печально думалось о русской женщинѣ, представительницѣ той господствующей націи, которая хочетъ вносить просвѣщеніе въ инород-

ческую среду; хотя она поминала «Господи Иисусе Христе» и принадлежала къ высшей религіи, а киргизка вздыхаетъ со словами «Алла», но разницы между тою и другой въ отношеніи умственнаго и нравственнаго состоянія не замѣчалось: обѣ были одинаково темны и безпомощны.

Рождалась мысль: да можетъ ли эта господствующая нація вносить свѣтъ просвѣщенія къ инородцамъ, когда она сама такъ темна, убога въ своемъ развитіи? И соотвѣтствуетъ ли ей тотъ престижъ, которымъ она пользуется? Ей самой надо просвѣщать и просвѣщать себя...

Но не дадимъ мѣста грустнымъ мыслямъ, а будемъ питать себя лучше надеждами...

И теперь да позволено будетъ мнѣ высказать слѣдующее желаніе. Если мы для инородцевъ, въ томъ числѣ киргизъ, устроили образованіе на такихъ прекрасныхъ основаніяхъ, и если отъ продолженія этого дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отказываться, то не забудемъ и себя... Пусть будетъ извѣстно нашимъ обезпеченнымъ классамъ, чѣмъ быть силенъ исламъ, съ которымъ приходится намъ считаться теперь и чѣмъ распространять онъ свое образованіе: у мусульманъ считалось и считается прямо богоугоднымъ дѣломъ отказывать по завѣщанію или жертвовать большія суммы на устройство школъ при мечетяхъ, такъ называемыя медресэ.

Есть еще убѣдительный примѣръ: въ Соединенныхъ Штатахъ среди богатыхъ людей существуетъ благородное соревнованіе въ устройствѣ образовательныхъ предприятий на пользу народа. Пожелаемъ же, чтобы было больше у насъ общественнаго вниманія къ нуждамъ образованія.

С. Рыбаковъ.

15-го марта 1897 года.